

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. М. ГОРЬКОГО

А. Т. Мокроносов

«...ВСЕ, ЧТО БЫЛО ДОРОГО
И СВЕТЛО»

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2003

УДК 581.1(092)
М749

На обложке:
Приполярный Урал, гора Манарага,
вид из долины реки Косью.
Фотография 1956 г.

Мокроносов А. Т.

М749 «...Все, что было дорого и светло». — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. — 80 с.

ISBN 5—7996—0173—4

Имя академика А. Т. Мокроносова тесно связано с высшей школой. С 1946 по 1983 г. Адольф Трофимович учился и работал в Уральском государственном университете, более 30 лет руководил кафедрами физиологии растений в Уральском и Московском университетах, он является создателем признанной школы физиологии растений. Человек увлеченный, А. Т. Мокроносов был не только крупным исследователем, но и замечательным фотографом, интересным рассказчиком. Это подтверждают включенные в сборник автобиография, литературные зарисовки и фотоэтюды ученого.

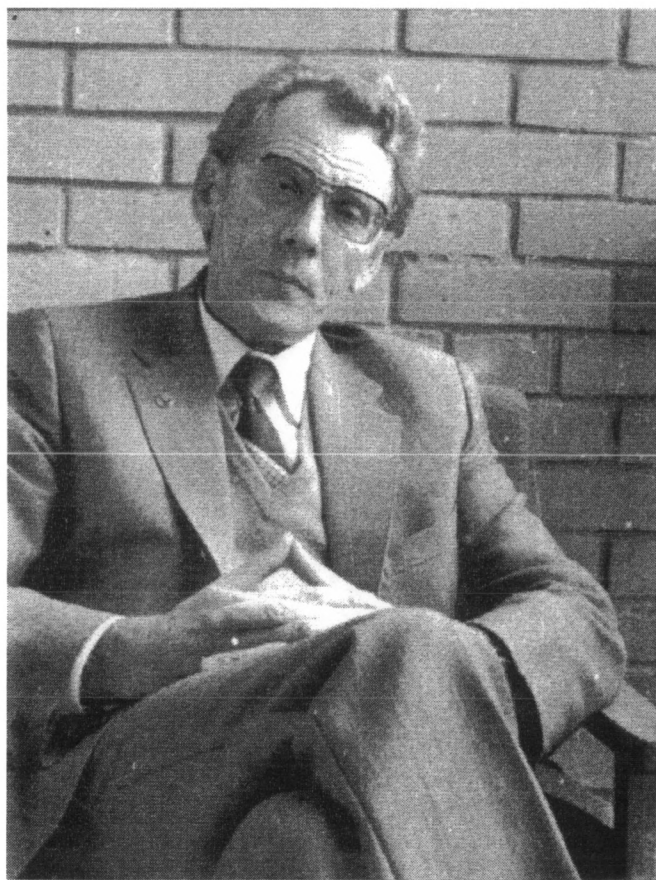
Для широкого круга читателей.

УДК 581.1(092)

*Материалы для книги
подготовлены семьей А. Т. Мокроносова*

ISBN 5—7996—0173—4

© Уральский государственный университет, 2003
© Н. Н. Фирсов, предисловие, 2003
© М. А. Мокроносова, послесловие, 2003

Предисловие

В июне 2003 года Адольфу Трофимовичу Мокроносову исполнилось бы 75 лет. Он родился в Свердловской области, после окончания средней школы поступил на биологический факультет Уральского государственного университета, который стал для него родным домом на многие годы. Здесь он закончил аспирантуру у известного физиолога растений Г. В. Заблуды и затем прошел путь от ассистента до профессора, заведующего кафедрой физиологии растений, члена корреспондента АН СССР. В стенах Уральского университета А. Т. Мокроносов сформировался как ученый, здесь создал признанную школу физиологии растений. Под его руководством защищено более трех десятков кандидатских и докторских диссертаций, он был руководителем многих научных работ, проводимых молодыми исследователями за пределами нашего города. Его научные интересы лежали в области экологии, физиологии и биохимии фотосинтеза, специалистам он известен как создатель онтогенетического подхода к исследованию фотосинтетической функции растений, он был одним из первых исследователей в нашей стране, начавших применение радиоактивных изотопов для изучения биохимических процессов.

Научный талант Адольфа Трофимовича сочетался с другими его замечательными качествами: он был неутомимым путешественником, хорошо знал природу и историю Урала, увлекался фотографией, был знаком со множеством интереснейших людей нашей страны, умел потрясающе рассказывать, казалось, обо всем на свете. В Уральском университете А. Т. Мокроносов был известен как блестящий педагог, многие поколения студентов биологического факультета, других факультетов университета помнят его как замечательного лектора, популяризатора науки.

Ученики Адольфа Трофимовича не раз слышали рассказы о его редках, о годах детства и юности, учебе в университете. В последние годы жизни ученого эти повествования были записаны его женой Маргаритой Александровной. И сейчас, проиллюстрированные семейными фотографиями, они представлены вниманию читателей. Для всех, кто знал Адольфа Трофимовича, это будет, несомненно, живой встречей с ним, а для многих других людей — интересной экскурсией в прошлое вместе с замечательным человеком, прошедшим путь от деревенского парня до академика.

Н. Н. Фирсов,
декан биологического факультета
Уральского государственного университета

АВТОБИОГРАФИЯ

Истоки

Автор этих заметок родился 14 июня 1928 года на выселке Луч близ села Леновское Режевского района Свердловской области, в 130 километрах к северу от Свердловска. Был период раскулачивания, вот-вот должна была начаться массовая коллективизация. Село Леновское, моя истинная родина, было основано в начале XVII века выходцами из Монастырщины на реке Нице, а Монастырщину основали в ранние послеермаковские времена поморы, выходцы с Белого моря. В моей семье долго хранились обычаи и говоры, в которых я позднее находил единые корни с поморами.

Село было богатое и многоукладное. Мои земляки и предки пахали землю, сеяли рожь и пшеницу, были камнетесами, тесали жернова для мельниц, томили в курнях уголь для демидовских металлургических заводов, работали на железных рудниках, на зиму нанимались в горячие цеха и на перевозку руды к Демидовым, летом добывали в тайге золото и самоцветы. Отверженная гольгтыба уходила на «поганный» промысел добывать «бугровое золото», то есть разорять скифские и сарматские курганы в степях Южного Урала и в Сибири. Это золото считалось поганным и очень дешево продавалось на специальных торговых, «бугровых» рядах на Ирбитской ярмарке.

Мои родители соединили два больших деревенских рода — Мокроносковых и Мелкозеровых; по деревенской кличке эти роды звали «баранятами» и «семешатами».

Дед Иван (по отцу) почти 20 лет служил на русском военном флоте. Участник многих морских походов, недолго служил на «Варяге». К началу Русско-японской войны был унтер-офицером на крей-

сере «Цесаревич». В знаменитом бою, когда русская эскадра прорыла блокаду Цусимы в Порт-Артуре, «Цесаревич» был флагманом русской эскадры (после гибели адмирала Макарова и крейсера «Петропавловск»). В этом бою дед Иван командовал батареей на «Цесаревиче», за что был награжден Георгиевским крестом. Как участник войны дед был награжден также знаменитой памятной медалью с надписью: «Да вознесет вас Господь в свое время. 1904—1905».

Иван Васильевич Мокроносов

Другой дед (по матери), дед Поликарп, был типичным многоукладником: имел зажиточный дом — курень, пахал, сеял, работал горновым у Демидовых на Сусанском заводе (Нейво-Шайтанском), томил уголь в тайге, продавал его заводчикам, был удачливым горщиком — искал золото и самоцветы и доход от этого промысла пропивал на Ирбитской ярмарке.

Мать, Мелкозерова Евдокия (Авдотья) Поликарповна (1898—1968), была малограмотной, доброй и по-своему умной женщиной, способной работать на любой работе, самой тяжелой полевой, таежной или горной, умевшей жертвенно терпеть любые беды

и невзгоды. Она умерла в августе 1968 года, я работал в то лето в горах Гыдана на Колыме и успел только к осевшему могильному холму. На кресте была прикреплена сделанная мною фотография: мама в тайге с корзиной груздей.

Евдокия Поликарповна Мокроносова

Отец, Мокроносов Трофим Иванович (1898—1977), в 19 лет был призван в Белую армию, начал войну в армии Колчака. Однажды был даже в почетной охране адмирала. В первых же боях на Южном Урале полк, в котором служил отец, повернул штыки против белых и перешел в состав Чапаевской дивизии, в которой отец воевал под Уфой, Белебеем и Стерлитамаком и был ранен.

После войны, вернувшись в Леновку, отец утверждал в деревне советскую власть: был председателем комбеда, председателем сельского Совета, руководил СВБ (Союзом воинствующих безбожников).

В 1927 году отец организовал колхоз — коммуны «Согласие», туда вошло семь или девять бедняцких семей. Деревня встретила эту затею враждебно. Тогда коммунары ушли из Леновки на выселок, выбрав место верстах в восьми от деревни на речке Ольшан-

ке. Тайга, заливные луга, хорошие почвы. За год построили добротный выселок, называли его Луч.

Трофим Иванович Мокронос

Я родился в страдную пору, было много работы в поле, изба еще была не достроена. Роды принимал отец в бане. Бабушка Марфа получила запрет крестить меня в церкви. Тогда она похитила внука и тайными лесными тропами отправилась в Сусану, чтобы крестить меня в Нейво-Шайтанской церкви. Коммунары организовали конную погоню, и младенца отняли у бабки у самых дверей храма.

Крестили меня по обряду красных крестин. На лесной поляне срубили две березы, пни покрыли красным кумачом. На один пень усадили мать с младенцем, другой служил трибуной. Съехались гости со всей округи — человек двести. На пень-трибуну один за другим поднимались ораторы и говорили пламенные речи: о победе мировой революции, о полном разгроме всякой контры, об электрификации. Младенцу, которого нарекли Адольфом в честь героя рыцарских романов, которые читал мой отец, собрание завещало довести до победного конца дело мировой революции.

Потом красный крестный Афоня Синяковский — партизан, плотник, строитель мостов — произнес речь и подарил крестнику первое Собрание сочинений В. И. Ленина. Все собравшиеся поставили подписи под торжественным актом, в котором было десять заветов для новорожденного. Ему поручалось довести до конца победу над мировой буржуазией и построить общество всеобщего равенства и братства. После этого был пир и до утра — буйные скачки на конях с прыганьем через огромные костры. Бабушка Марфа в ту ночь была заточена в амбаре, дабы не могла исполнить угрозу наложить на себя руки от этого бесовства.

От жизни на Луче сохранилось, вероятно, самое первое в жизни воспоминание: едва я начал ходить, как был приспособлен к работе в коммуне. Каждый день я обходил дворы коммунаров и собирал в лукошко яйца, отложенные курами в известных мне местах кладки. Все было хорошо, но в одном дворе был огромный индюк, который внушал мне панический страх. Однажды, спасаясь от него, я нечаянно опрокинул новые ворота, стоявшие у стены сарая в ожидании, когда их повесят. Ворота придавили меня. Кто-то обнаружил юного коммунара под ними, и все окончилось благополучно, а индюк на всю жизнь остался первым ярким воспоминанием о злых силах мироздания.

Уже к началу 30-х годов коммуна начала хиреть, мужики один за другим уезжали — кто в Ленежку, кто на строительство Уралмаша в Свердловск. С массовой коллективизацией создали в районе две машинотракторные станции (МТС), и отца взяли агроучеником в Режевскую МТС. Из смышленных крестьян готовили агрономов-практиков, обучая их на разных краткосрочных курсах. В 30-х годах отец часто уезжал на такие курсы в Свердловск, Пермь, Казань, Горки (белорусские). Возвращаясь, он привозил непонятные слова: семеноводство, апробация, силосование, севооборот, яровизация, химизация. Это был таинственный и волнующий мир, в нем я впервые услышал имена, которые отец произносил с каким-то трепетом и обожанием: Тимирязев, Вильямс, Прянишников, Лысенко.

Около 1931 года мы уехали из Луча, и выселок опустел. Через 20—30 лет от моей малой родины не осталось и следа. Тайга подмяла, поглотила, застила мхом забвенья первую красную комму-

ну — дома, строенья, колодцы, погреба, кострища, где когда-то звучали бодрые гимны молодой революции, горели языческие костры моих красных крестин. Летом 1986 года, почти через 65 лет, я поехал вместе со старшей сестрой Татьяной искать следы Луча. Мы целый день бродили по тайге, по буйному морю трав, зарослей черемухи и бузины, но не нашли ни малого следа моей маленькой родины. Только щемящая тоска, да звериные тропы, да печальный шум деревьев...

Здесь был когда-то выселок Луч.
А. Т. Мокроносов с сестрами. 12 июля 1989 г.

Режевская МТС, где работал отец участковым агрономом, помещалась то в деревне Глинке на берегу горной реки Реж (в 12 километрах от Ленежки), то в рабочем поселке Реж (с 1943 года — город). Мы часто меняли место жительства, отец любил менять квартиры, жизнь была кочевой.

К 1932 году в семье было четверо детей: Татьяна (1921), Агафангел (1924), я (1928) и Земфира (1931). Мать работала в колхозе,

отец разъезжал по колхозам на своем жеребце Бравчике и неделями не появлялся дома. Колхозное строительство шло трудно, у крестьян оставалась живучая идеология индивидуального хозяина. Появились первые трактора — «фордзоны», «путиловцы», «НАТИ». Маломощные, семи-, пятнадцатисильные, ненадежные, они постоянно ломались. Сколько бы их ни украшали гирляндами из березовых веток, сколько бы вокруг них ни пели бодрых песен, сколько бы ни усиливали эффект созданием мощных, по 20—30 машин, тракторных колонн — крестьяне медленно и неохотно принимали железного коня.

Отец был в постоянных хлопотах: еще не закончилась коллективизация и он создавал колхозы — то в Липовке, то в Точилке, то в Колташах, то в Арамашке. На сходки он брал меня, и я помню бесконечные ночные дебаты в прокуренных избах, где отец убеждал крестьян в коллективной форме хозяйства, в ее выгоде. Дважды в него стреляли из обрезов. Один раз я был с ним — рано утром мы ехали на Бравчике из Колташей в Черемиску после многочасовой сходки. Был рассвет, в логах стелился туман, когда раздался выстрел и дробь осыпала наш ходок.

Постепенно я узнавал, что такое севообороты, как правильно пахать зябь, для чего нужны пары, узнавал правила применения удобрений и протравливания семян. Уже в 7—8 лет отец научил меня различать сорта и разновидности пшеницы, ржи, ячменя, овса и приспособил к анализу контрольных снопов при апробации посевов.

Вешние воды

Летние месяцы были полны работой в поле, на сенокосе, в летних куренях. Любимое занятие было купать лошадей и ухаживать с ними в ночное. Вечером верхом на своих лошадях мы со сверстниками уезжали в дальние луга, где коротали ночи у костра, пока кони питались сочной травой и набирали силы для нового трудового дня. Рядом стояли шатры цыганского табора. Мы дружили и ссорились — до драк — с цыганскими мальчишками, а вечерами заворуженно слушали цыганские песни.

В эти ранние годы, еще до школы, начали волновать меня тайны трав и зверей. Я постоянно держал птиц, насекомых в коробках, лягушек, устраивал примитивные аквариумы, знал все больше названий трав и, когда в тайге или в речных урманах находил новое растение, не мог успокоиться, пока не узнавал его название.

А. Мокронос. 1941 г.

Но особенно волновали меня камни. Дед Поликарп был горщик, у него были на Адуе тайные самоцветные копи — таши, и однажды я узнал, как горщики вскрывают пустоту — занорыш — в пегматитовой жиле и как в утренних лучах солнца в пустотах занорыша засверкали щетки горных хрустелей и аметистов, усыпанные лиловыми пластинами лепидолита — литиевой слюды...

Мне было 8 или 10 лет, когда я нашел неведомые мне бурые тяжелые кристаллы в размывах лога и, решив, что это перовскит, отправил кристаллы в Москву академику А. Е. Ферсману. Ферсман ответил, что их действительно легко принять за перовскит, но это очень редкий минерал, а прислал я псевдоморфозы бурого желез-

няка по пириту. Потом я еще писал Ферсману о чем-то, он отвечал, и эта удивительная переписка окончилась с началом войны.

В зиму на 1936 год отца перевели в Черемисскую МТС (село Черемиска в 40 километрах от Невьянска, на реке Реж). От Глиники до Черемиски около 50 верст, ехали зимой по лютому морозу почти сутки. В первые же дни подружился с Шуркой Чесноковым. Он был на два года старше меня, это была верная и умная мальчишечья дружба. Были общие интересы, оба любили тайгу и совершали долгие, рискованные путешествия, открывали для себя все новые земли, лога, луга, заброшенные карьеры и шахты, следы Гражданской войны. Взрослые не ввязывались в наши дела, мы часто по несколько дней пропадали в лесах и на реке, ночевали то у костров, то у знакомого мельника на Ледянке — старой мельнице на Реже. Однажды нашли в тайге тайную аметистовую дудку (шахту, штольню) деда и решили спуститься туда. На сырмятных вожжах Шурка спускал меня, но вожжи оказались коротки, и я упал на дно шахты. Чтобы спасти меня, Шурка бегал в деревню за мужиками. Отец сурово наказал меня за эти похождения.

Помню 1 сентября 1936 года — первый день в школе. Мы пришли на церковную площадь к маленькой церковно-приходской школе. Были обуты в обутки. Холщовые мешки — сумки. У каждого в руках полено дров (его надо было приносить ежедневно) и ведро с картошкой. Первый учитель, Павел Петрович Ежов, был секретарем комсомольской ячейки, носил кожаную тужурку, при нем всегда был пистолет, правда с просверленным стволом. Учил он нас по буквам — по порядку текста: «Дан приказ ему на запад, ей — в другую сторону...» Школу я любил, но, когда меня заставили прочитать первую книгу, «Муха-цокотуха», меня поразила пустота и никчемность этой глупой, как я решил, книжки, и после этого у меня пропала всякая охота читать книги. Только через год, осенью 1937 года, я прочитал Пушкина «Уж небо осенью дышало, уж реже солнышко блистало...». Это было потрясенье, равно которому никогда после этого не пришлось испытать. Так в мой мир пришел Пушкин, а с ним и вообще мир книги.

В Черемиске еще не появилось электричество. В нашей избе висела большая керосиновая десятилинейная лампа-«молния», но ее зажигали только по праздникам или по случаю больших гостей. Обходились маленькими пятилинейными лампами, но керо-

син был в большом дефиците, часто он исчезал надолго. Тогда в зимние вечера семья сумерничала до полной темноты или жгли уголь на козлецах. Тогда же пошли разговоры о радио. Наступил день, когда вся деревня собралась в церкви, переоборудованной под клуб. Говорили, что услышим радио, которое будет передавать речь Сталина о Конституции. Собрались утром. Томительно тянулся день. На сцене (бывший алтарь) стоял большой черный ящик с круглой решеткой. Все ждали невероятного — из этого вот ящика придет из-за тысячи верст, из самой Москвы, без проводов голос любимого вождя. Напряженье нарастало час от часу. От дыма самосада нечем было дышать. И вот толпа замерла: черный ящик ожил. Треск, шорох, неясный шум. Не забыть первых слов, неповторимого акцента, проникновенного доверительного обращения к народу. Слушали стоя, не шелохнувшись. В тот день глухая сибирская деревня ощутила живое дыханье Большого Мира и доверилась ему, его Великому Вождю.

Тридцать седьмой — тридцать восьмой годы прошли в мальчишеском восприятии как триада трех великих событий.

1. Страна освобождалась от врагов народа. Первым арестовали школьного учителя Александра Андреевича Комиссарова. Он хранил оружие — старенькую охотничью берданку. Потом арестовали отца. Помню ночной обыск в нашей избе на Кукуе. Мы четверо — уже дети врага народа — были поставлены в ту ночь к стене и стояли неподвижно, подняв руки. По распоряжению тех, кто вел обыск, мать растопила печь, и в ней были сожжены все двадцать томов В. И. Ленина, подаренные мне красным крестным. Оказывается, первое Собрание сочинений Ленина редактировал Бухарин. Отца увезли в город. К счастью, менее чем через год он вернулся.

2. Это были годы захватывающих побед в Арктике. Полеты Чкалова и Громова через Северный полюс в Америку. Гибель Леваневского. Отчаянный дрейф Папанина, Кренкеля, Ширшова на льдине от Северного полюса в Гренландское море. Отчаянные полеты Водопьянова, Гризодубовой, Осипенко. Подвиги наших в республиканской Испании. Это были годы героики, упоения победами. Была победа над японцами на озере Хасан, и, когда нас принимали в пионеры, герои Хасана с окровавленными повязками на головах вручали нам красные галстуки.

3. Тридцать седьмой год был годом репрессий и великого террора, о масштабах которого мы, конечно, не знали. Но — мудрость Вождя! — это был еще и год Пушкина, год великого национального торжества и самосознания. В тот год все было полно Пушкиным. Даже школьные тетради изготавливали с рисунками на пушкинские темы и со стихами на голубых обложках. Многие стихи поэта я впервые узнал и запомнил с обложек этих чарующих тетрадей 37-го. Правда, весной пришло распоряжение, и мы сорвали пушкинские обложки с тетрадей, и учителя сожгли их в костре на церковной площади. Оказывается, враги народа зашифровали в гравюрах-рисунках антисоветские лозунги. Все равно я ревел, когда огонь пожирал стихи и рисунок, изображавший Вещего Олега с конем. Тогда же на уроке труда мы вырезали из бумаги квадратики и заклеивали ими в учебнике портреты Тухачевского, Егорова и Блюхера. Кругом были враги, даже отцы и Пушкин! Только вот Шмидт, Водопьянов, Папанин, Стаханов — подлинные герои-созидатели.

Летами мы уезжали на покосы, на Сапы, или рубить дрова в тайгу, или заготавливать черемуху в урманы. Туда неделями не доходили голоса политических и классовых бурь. Разве как-то приехала пара верховых, связали руки Петькиному отцу-зимогору и увели в вечность под вопли, считай, уже вдовы Матрены...

Летом 1939 года отца вновь перевели в Режевскую МТС главным агрономом, и мы вернулись в Глинку. Поселились в доме на крутом скалистом берегу над рекой Реж. На том, дальнем берегу поднимались горы, покрытые сосновым бором. В реке было много рыбы и раков, было отменное купанье, рыбалка. Снова начались поездки в ночное, купанье коней, покосы, заготовка дров на зиму, сборы груздей. Лето было знойное. Пришли вести о боях и победах над японцами на Халхин-Голе в Монголии. Осенью началась Мировая война, СССР присоединил Западную Украину и Белоруссию. Гитлер оккупировал Польшу и Прагу. Воздух становился тревожным, густым и жарким, запах порохового дыма достигал укрытую за Уралом деревню.

В том году по инициативе уже умершего А. М. Горького началась работа над книгой уральских ребят — дети писали книгу об Урале. Руководил этой работой молодой писатель — полярный

летчик Анатолий Матвеевич Климов, уроженец г. Троицкого. Я написал рассказ о поисках самоцветов: моя Черемиска находилась в центре знаменитого самоцветного пояса Мурзинка — Адуи — Колташи — Черемиска, о котором так много писал А. Е. Ферсман, знавший здесь каждую копь. А. М. Климов пригласил меня к себе в гости, и я приехал к нему в Свердловск, на ул. Шейнкмана, 14. Был долгий разговор, советы. Окрепла моя любовь к камню. Рассказ «Гранит или аметист» был моей первой публикацией. Он был напечатан в книге «Урал — земля золотая» в 1943 году под авторством Андрея Мокроносова — шла война, имя Адольф было всем ненавистно, его носил Гитлер.

В эти же годы я часто печатался в детских газетах «Колхозные ребята» (Москва) и «Всходы коммуны» (Свердловск) и прослыл известным и преуспевающим деткором.

Тем временем дыхание войны становилось все ощутимее. Лютыми морозами отшумела Финская война 40-го. Погибли любимые летчики Чкалов, Серов, Осипенко.

Появился первый учитель биологии Аполлон Константинович Виноградов. Приметил и поддержал мой интерес к живой природе. Была прочитана и околдовала меня книга А. Е. Ферсмана «Занимательная минералогия».

В воскресенье 22 июня 1941 года в деревне был Праздник бо-розды. В безбрежных лугах по речке Глиночке с утра началось празднество. Горели костры, кипели котлы, пахло жареным мясом, было обилие вина, тут и там звенели гармони — тальянки, саратовки и солидные баяны. Песни и пляски все с большей уда-лью поднимались над лугами, лесами, урманами. От костра к ко-стру ехал на велосипеде почтальон, раздавал почту. Я получил газету «Всходы коммуны». Там была моя статья «12 камней Ура-ла». Автору неделю назад исполнилось 13 лет. Солнце пекло все яростней, пьяный пир набирал силу. Я ушел на Реж, взял лодку-долбленку, и вдвоем с Шуркой мы пошли к дальним скалистым берегам. Собирали травы, обсуждали пришедшую вдруг идею соорудить маятник Фуко, укрепив проволоку-отвес на вершине се-мидесятиметрового утеса Большой Камень. Потом, через пару лет, эту идею удалось осуществить. Когда я бываю в Исаакиевском соборе в Ленинграде и вижу демонстрацию вращения Земли по дви-жению маятника Фуко, всегда вспоминаю, какого труда стоило

создать наш маятник: нужно было подобрать проволоку, которая не имела бы кручения, эффект Фуко надо было наблюдать при полном безветрии, а такое время можно было поймать только ночью. И все равно был счастливый миг, когда маятник после десятка качаний зацепил деревянный брусок и уронил его. Сколько было восторга — Земля вертится!!!

Но это было через годы. А в тот солнечный безоблачный день, когда солнце уже перевалило за полдень, на деревенском берегу, на высоком утесе, появилась моя мама и позвала к себе. Легко взбираясь по осыпям и скалистым кругам, я все еще думал о маятнике Фуко. А наверху была мама, растерянная, встревоженная...

Войну встретили как долгожданную беду. Пьяные мужики уже вернулись с лугов, собрались на площади перед церковью, все хотели говорить речи: «Ежели в той войне на пять солдат было одно ружо, то теперь у каждого красноармейца есть по ружью!» Оптимизм был общий, вера в победу через неделю-другую была единой и несокрушимой.

Уже 23 июня Глинка проводила первый отряд мобилизованных. Всей деревней шли по пыльной дороге в город, мимо погоста, через лога Большого и Быстрого ключей, через Голендухино, поднимались на Голендовский мыс. Там были расставания. Понуро стояли кони с поклажей, рыдали гармошки и бабы, растерянные дети плохо понимали происходящее. Мужики бодрились, даже старались петь веселые песни и частушки, шутить. Пришел миг расставанья — голосили бабы, кричали дети, всех старались перекричать команды старших. Потом еще много дней повторялась эта печальная процессия. Остались в памяти сотни молодых парней, уходивших прямо с Голендовского мыса в вечность, в смертное бессмертие. Мы, 11—13-летние, оставались в деревне за старших. Сейчас в Черемиске, у стен моей первой школы, на скорбном обелиске больше сотни имен, в Глинке — около двухсот. Тех, превратившихся в белых журавлей. Почти всех помню такими, какими были в минуту расставания. Среди них — Чесноков Александр Иванович, мой Шурка. Он был на два года старше меня.

Уже осенью 41-го население деревни удвоилось за счет эвакуированных с запада. У нас появилась Мария Парфеновна Радкевич, фельдшер из Ленинграда. У нее была пятилетняя дочь Алла,

их вывезли из блокадного города по Дороге жизни. Через год Мария стала женой моего брата Агафангела. Они родили двух дочерей — Наталью и Татьяну, но после войны брак их распался, и Мария с детьми вернулась в Ленинград. Я очень любил эту женщину.

Помню, летом 42-го семья получила задание — заготовить тонну дубильного сырья для дубления кожи. Мы вчетвером — брат, Мария, Алла и я — ушли на промысел в тайгу. Там, в долине Ольшанки, были большие заросли дубильной ивы. Мы целыми днями собирали кору, сушили, готовили из нее стандартные тюки. Было пустынно, одиноко, голодно. Вечерами ловили рыбу, собирали грибы, я находил время читать Ферсмана и Тургенева.

Годом раньше, летом 41-го, в первые дни войны, в Кашино, около Сысерти, собрали юных авторов книги «Урал — земля золотая». Нас было человек тридцать. В те дни еще не прозвучала трезвая и полная тревоги речь Сталина 3 июля, и мы беспечно верили, что война — лишь короткий инцидент. Мы ходили в походы, собирали коллекции камней. Однажды к нам в гости приехал Павел Петрович Бажов — автор уже знаменитых сказов «Малахитовая шкатулка». Как-то в лесу за Сысертью мы поднялись на вершину лесистой горы. Там была большая тригонометрическая вышка. На ней над лесами, на маленькой площадке, нас собралось человек десять и П. П. Бажов рассказал нам еще неопубликованный сказ «Серебряное копытце». При этом он показывал места событий — «вон на тех покосных лужках это было...»

Тем временем война брала свое, набирала силу, с фронтов шли все более тревожные сообщения. Из нашего лагеря уходили на фронт старшие — Петр Пшеничников, Саша Бердников, Алеша Летемин. Сейчас, читая бесхитростные мальчишеские страницы нашей книги, я думаю, что это была книга-мечта, книга-завещание моего предвоенного поколения уральских мальчишек. В то кашинское лето они сменили голубое мальчишество на суровое солдатство и ушли в вечность. Остались ветхие, пожелтевшие страницы книги «Урал — земля золотая». В наивных строчках рассказов, очерков, стихов я слышу и теперь голоса моих друзей, моих белых журавлей.

В июле кашинский лагерь опустел, и я приехал в Свердловск, на Уралмаш, где жили и работали мои дядя и тетя и брат Агафан-

гел. Еще несколько лет назад они пришли из Леневи и строили в тайге Уралмаш, а теперь работали станочниками. Жили в бараке по ул. Индустрии, 22, втроем в комнате 12 квадратных метров.

А в то тревожное лето 41-го ночью ввели затемнение. Мои рабочие неделями не уходили от станков. Я шел утром на базар, покупал овощи, варил щи и приносил их к заводской проходной. Фаня, дядя Яков и тетя Шура выходили в перерыв, наскоро съедали мои щи и снова уходили к своим станкам.

Авторы книги «Урал — земля золотая».

А. Мокроносов в нижнем ряду справа. Сысерть, июль 1941 г.

Глинка, куда я вернулся в августе, уже перешла на военный режим. Все от мала до велика работали в полях, на лесосеках, на стройке военного завода в тайге близ Режа (46-й квартал). Отца по ранениям и по брони на фронт не взяли. Деревни опустели, остались без мужиков, без тракторов, без лошадей. На отца легла забота о земледелии в 25 колхозах района. Он стал главным агрономом и все время проводил в полях, появляясь дома раз-другой в месяц.

В 1942 году он сказал мне, что в районе нет человека, который мог бы вести апробацию посевов, а без этого семеноводство при-

дет в полный упадок. В детстве он обучил меня основам апробации и теперь повез меня в Свердловск, в Сельхозинститут. Там я успешно сдал экзамен на госапробатора и получил удостоверение. В 14 лет мне вручили 22 колхоза, и ежедневно с июня до октября я обходил свою нищую аграрную империю, решая судьбу урожая: на семена, на обмен, на хозяйственные нужды. Первый обход — апробация гороха и картофеля, второй — посевы озимой ржи и клевера, третий — пшеница яровая, четвертый, под самую осень, часто под первый снег, — ячмени и овес. Был у меня постоянный маршрут: Глинка — Ощепково — Чепчугова — Сохарева — Жукова — Арамашка — Малая Леневка — Старые Кривки — Леневка — Притчина — Гурино — Клевакино — Точильный Ключ — Соколово — Глухареву — Останино — Медвежка — Кочнево — Першино — Голендухино. Я шел от деревни к деревне, всегда пешком, по любой погоде. Знал все дороги, все поля и урочища, знал всех обитателей этого трагического, скудного царства. Знал наперечет черные беды — похоронки. Входя в деревню, я уже узнавал по стенаниям и воплям, в какой избе появились новые вдовы.

Приходя в колхоз, я брал схему полей и севооборотов, сортовые документы и уходил в поля отбирать контрольные снопы. Каждое поле надо было пройти по диагонали, сжиная серпом через каждые пять-десять шагов горсть стеблей. В контрольном снопе должно быть не менее двух тысяч колосьев. Снопы доставлял в деревню и день-другой вел их анализ: число стеблей в снопе основного сорта, других сортов, примеси культурных растений, карантинные и трудноотделимые сорняки, зараженные головней, спорыньей, ржавчиной. Потом считал проценты и определял, какая судьба уготовлена урожаю с какого поля — что на сортовые семена, что на хозяйные, что категорически запрещалось использовать на семена и подлежало сдаче государству. Оформлял государственный акт. Это был документ — закон для председателя, и за нарушение предписаний апробатора руководителей колхозов могли судить. А это были полуголодные, измученные женщины, вдовы, озабоченные нищетой хозяйства, болезнями детей, падением скота, пачками похоронок, которые приходили в деревню. Мои акты — выбраковки на голубенькой бумаге — были для них еще одним ударом. И мне не забыть, как в глухой Медвежке, за 40 верст

от проезжей дороги, когда выбраковал из-за головни всю пшеницу и принес подписать акт председательше Матрене, она, поняв, что ее ждет, бросилась на пол и, рыдая, целовала мои разбитые мокрые кирзовые сапоги, умоляя пощадить и ее, и детей, и деревню Медвежку. (Теперь нет этой деревни, тайга заполонила собою то печальное место.)

В деревнях было голодно, редко когда председатели выписывали мне по 400—500 граммов хлеба. Питался тем же зерном из контрольных снопов. Только в маленьком, но богатом колхозе «Вперед» была пасека, и мне доставался иногда кусок горячего калача и чашка меда. Ночевал в стогах, в амбарах, в старых кузнях, а с холодами — брали на ночлег крестьянки.

В 1943 году я окончил семилетнюю школу в Глинке, собрался в 8-й класс. На весь район была одна только средняя школа — в Реже, получившем в том году статус города. Там было по одному старшему классу (8, 9, 10-й). Места были заняты детьми эвакуированных в Реж инженеров военных заводов. Мне было отказано в приеме в среднюю школу, вместо этого мне вручили военизированную повестку, для работы на военном заводе (с трехмесячным обучением). Неявка — так было написано — карается по законам военного времени. Оставались последние дни перед явкой, и тут случай свел меня с секретарем райкома партии Шамшуриным. Случилось так, что нам пришлось вдвоем коротать ночь в кузне в полях за деревней Точилкой. Раздув угли в горне и греясь у этого необычного очага, мы проговорили всю ночь. Прощаясь, он сказал: «Если тебе не учиться в школе, а то и в университете, то кому же тогда учиться?» Так решилась моя судьба.

Осенью 1943 года я перебрался в Реж и стал учеником средней школы. Это красивое двухэтажное здание бывшего реального училища, построенное в 1902 году заводчиками Стенбок-Ферморам. В Реже было около 10 тысяч населения, большой и красивый заводской пруд, старинная плотина, старый завод, построенный в 1774 году — теперь никелевый завод, — храм на скалистом шихане над рекой. В классе я был единственный абориген из деревни, остальные были ленинградцы, москвичи, киевляне, человек пять — из Режа. Школа была на полном самообслуживании. Ученики сами заготавливали лес, сплавляли его по реке, разделявали

дрова, топили печи, мыли полы, вели текущий и капитальный ремонт, а если били стекла в окнах, то сами же и стеклили их.

Школа № 1 г. Режа

Директором была суровая учительница истории Галина Николаевна Карташова, завучем — учитель биологии Шаврин Никанор Михайлович. Кроме учебы и работ по содержанию школы, на нас ложился груз других забот: нам было отведено 3,5 километра железной дороги от военного завода до главной магистрали, и мы чистили ее от снежных заносов, работая зимой в метели и морозы, пропуская поезда с военным оборудованием. Это была наша реальная помощь фронту, и мы гордились этим. Мы обязаны были чистить шлакоотстойники на никель-заводе, перевозить на тачках сотни тонн черного шлака из отстойников к отвалам. Нас увозили работать на лесозаготовки, на уборку картошки.

И все-таки это были счастливые годы. Была чистая дружба, верность, была надежда и оптимизм. Мы не расставались даже в воскресные дни. Мы любили свою школу, это был наш суровый Царскосельский лицей. Нас любил наш маленький заводской го-

род, мы были его гордостью и надеждой. Особенно праздничными были 45-й и 46-й годы, годы великой радости победы и надежд. Мои друзья-лицеисты, прекрасен наш союз! В сердце моем вечно: Владимир Марушак, Герман Куимов, Борис Туртуков, Эмма Недогадникова, Галя Холмогорова, Борис Шнейдер, Фая Чепчугова, Петр Соколов, Юрий Грищенко, Лена Крапивенская, Толя Караулов, Геннадий Белкин, Аида Дорохова, Ида Кичигина.

Здесь же пришла первая любовь — Эмка Недогадникова. Ее родители жили в поселке Спартак, между Режом и Глинкой, и не забыть весенних дней, когда после школы наши дороги домой шли по одним лесам, где гремели ручьи, в логах и цвели ранние подснежники. Зимой, часто в ночь, после уроков третьей смены, мы уходили с ней в мороз, в метели, когда были покрыты заносами дороги, завывала вьюга и надо было не сбиться с пути. Иногда, наоборот, стояли морозы под сорок, на холодном черном небе светила луна и ледяными искрами блистали мириады звезд. В те годы было много волков, они собирались в стаи и не раз сопровождали

9-й класс Режевской школы № 1. А. Мокроносов в центре. 18 мая 1945 г.

наш долгий путь протяжным, ледящим душу воем (от школы до Глинки было 12 километров лесными и полевыми дорогами). Из Глинки мне часто приходилось уходить в Реж в 3—4 часа утра, чтобы успеть к 8 часам на уроки. Снежные метели так замесали дорогу, что несколько раз, потеряв путь, утопал в сугробах, до потери сил искал в кромешной тьме направление, чтобы не погибнуть в этих страшных ночах.

Пришел долгожданный май 1945 года. Радость победы смешалась с болью расставаний: мои друзья разъезжались по родным городам. Нас становилось все меньше: наш лицей собрала война, а рассеяла — победа.

Лето

Летом 1945-го, после военных лагерных сборов в Красноуфимских лагерях, я работал лаборантом в только что открытом в Свердловске Биологическом институте Уральского филиала Академии наук СССР (БИ УФАНА). Основателем института был молодой профессор-генетик Василий Иванович Патрушев. После фронта и докторантуры в Москве он приехал на Урал и в 1945-м на базе Ботанического сада в Свердловске основал первое биологическое учреждение на Урале. Это был талантливый и очень яркий человек, я считаю его одним из своих учителей. Через три года он был репрессирован как вейсманист-морганист после сессии ВАСХНИЛ. Долго оставался без работы, потом стал профессором Уральского университета и основал Уральский институт сельского хозяйства (УралНИИсхоз).

Работая лаборантом в БИ УФАНе летом 1945 года под руководством В. И. Патрушева и сотрудников этого института, я впервые встретился с серьезной биологической наукой. К этому времени хорошо знал флору Урала и участвовал в биологических экспедициях института.

Здесь необходимо сказать о причинах, определивших в те годы выбор будущей профессии. В детстве, в 30—40-е годы, была столь велика любовь к камню, что не было сомнений — буду геологом. Переписка с Ферсманом, поиски самоцветов, исследование забро-

шенных железных рудников около Голендухино, каменоломен времен строительства Екатеринбурга, постоянные находки малахита, аметистов, мраморов, яшм, походы по тайным копиям с дедом на Адуе и даже первая детская статья «Гранит или аметист», знакомство и переписка со знаменитым уральским геологом Модестом Анисимовичем Клером — все с ранних лет предопределило выбор — геология.

Но вот в зиму на 45-й год в Реже, в библиотеке, появился десяти томник К. А. Тимирязева. Блестящее произведение полиграфии, строгий фундаментализм томов, шедевр искусства книги. Начал читать, все больше увлекаясь талантом автора, его лучезарной личностью. Через полгода Тимирязев обратил меня в свою веру. Я читал, перечитывал, конспектировал вдохновенные лекции о жизни растений, об истории науки, о фотосинтезе, о космической роли зеленых растений. «Растение — истинный Прометей, похитивший огонь с неба! Поглощенный им луч солнца приводит в движение и гигантский маховик паровой машины, и кисть художника, и перо поэта!» Как было устоять перед этим вдохновенным гимном?

В 46-м году написал письмо в Уральский университет профессору Г. В. Заблуде и спросил: есть ли подготовка в УрГУ физиологов растений? Ответ был положительный. Так решился выбор.

Летом я навсегда ушел из родительского дома. Мама собрала мне на дорогу котомку, положила в нее сухари и сушеный картофель и проводила меня от Глинки до Голендовского мыса. Там мы расстались. Я уходил, останавливался и все видел ее скорбную, грустную фигуру рядом с поникшей березой.

В 1946-м, летом, работал в экспедиции московского археолога профессора Отто Николаевича Бадера — раскапывали стоянку Ермака у Медведь-камня на реке Тагил. Подал документы на биофак Уральского университета. Экзаменационный месяц август, жилья не было. Вечером уезжал на электричке на станцию Гать и там, в пойме Исети, спал в стогах, а утром возвращался в город и готовил экзамены на скамейке в сквере у оперного театра. Однажды подседа молодая пара, разговорились, и, узнав о моих ночлегах в стогах сена, новые знакомые пригласили меня на время экзаменов жить у них. Это были балетмейстер театра оперетты Александр Поличкин и его жена балерина Мария Андреевна Милакум.

Их забота очень помогла мне тогда. Они же впервые приобщили меня к театру. Через несколько лет старинный дом с мезонином, где жили Поличкины, снесли, а на этом месте построили огромное здание Уральского университета, с которым было связано 37 лет моей жизни.

Осенью я был зачислен в университет. Помню первую лекцию, ее читал профессор Медведев в актовом зале. В здании был госпиталь, пахло хлороформом, в актовом зале мебелью служили медицинские кушетки, зубоврачебные кресла, хирургические столы, ящики из-под оборудования. Половина студентов была в военных гимнастерках, бушлатах, в полосатых тельняшках. Утром, когда студенчество спешило в аудитории, стоял звон орденов и медалей.

Жизнь переходила на мирные рельсы. Кругом голод, разруха, теснота жилья, но над всем брал верх бодрый гимн победе, оптимизм, радость, надежда. Будущее было светло, лучезарно, все негодяи были уничтожены, на земле на вечные времена воцарилась власть добра, справедливости, чистого разума, добрых и умных людей.

Уже той осенью появилось много студентов из Китая, Кореи, Чехословакии, Польши, Болгарии, Венгрии, Албании. Мы остались без общежитий. Мне с сестрой пришлось снимать очень дорогую комнату на ул. Серова, 1а. Чтобы выжить, нужно было так много денег, что все время уходило на заработки. Разгрузка вагонов, землекопные работы, рубка дров и прочее съедали время и силы. За прогулы, пропуски занятий и «хвосты» на зачетах чуть не исключили из университета. Уговорил декана, обещал летом решить свои финансовые дела. На лето уехал работать в Висимскую экспедицию, работал лесным таксатором. За два сезона вдвоем с опытным таксатором Петром Сергеевичем Борманом мы провели таксацию лесов Висимского заповедника, около 36 тысяч гектаров темнохвойной тайги. Работали трудно, голодно, без полевой экипировки. Тайга кишела медведями, бродягами, дезертирами. Долгие месяцы, проведенные наедине с таежной глухоманью и опасностями, многому научили. Это была большая жизненная школа. Заработанных денег хватило, чтобы начиная со второго курса активно заняться учебой и университетской жизнью.

Осенью 1948 года университет арендовал в частном доме у вятского плотника комнату на 15 студенческих коек. Старинный боль-

шой дом стоял на окраине города (ул. Московская, 191). Это был сущий муравейник, перед которым померкла бы горьковская Марусовка в Казанской суконной слободе. Во множестве комнат, мансард, чердаков, подклетей, пристроек обитало человек 70 студентов, бродяг, проституток, трамвайщиков, дорожных рабочих и прочих людей неведомой природы. Летом население «Марусовки» почти удваивалось. В этом волшебном царстве царили доброта и дружба, всеобщее уважение каждого к роду занятий других. Ссор внутри «Марусовки» не было. Мы, студенты, были элитой, но никакой нравственной или иной исключительности не составляли в этой редкой и прекрасной системе. Я помню эти годы с неизменной теплотой и нежностью. «Помни во веки веков, до седины, Московскую, 191!» Это строчка из стихов нашего поэта.

В день открытия XXVI съезда КПСС, в феврале 1980 года, на моих глазах ломали этот дом, чтобы освободить место для высотного дома. Хотелось плакать, когда обрушившаяся стена обнажила на разломе внутреннюю структуру стен, этажей, перегородок, высвободив из гибнущего термитника потоки сердечной и социальной памяти. Из обитателей Московской, 191, вышли академики,

«Марусовка» студентов УрГУ.
Свердловск, ул. Московская, 191. Май 1950 г.

члены-корреспонденты академий, профессора, директора институтов, секретари обкомов партии, редакторы газет, поэты, заслуженные геологи, лауреаты Ленинских премий, открыватели якутских алмазов (А. Силинский, В. Щукин, В. Конев, И. Карпович, Г. Осипов, П. и Ю. Юшковы, Г. Вяльшин и др.).

В двухстах метрах от нашей «Марусовки», за кирпичной монастырской стеной, в Зеленой роще, поселился другой наш опальный современник — маршал Г. К. Жуков, сосланный Сталиным в Уральский военный округ. Каждый день мы видели его то в роще, то в открытом «ЗИМе», в котором он любил развезжать вдвоем с П. П. Бажовым. Странная это была пара — легендарный Жуков и прославленный сказочник с сивой бородой, развеваемой ветром.

Два самых близких для меня человека встретились мне в том, 1948 году — моя соученица Маргарита Зайцева (мы поженились в 1950-м) и Саня (Арнольд Дмитриевич Силинский).

М. А. Зайцева родилась и выросла в Москве, в Рогожском поселке. Ее отец Зайцев Александр Васильевич и мать Прасковья Яковлевна происходили из Меленковского уезда Владимирской

М. А. Зайцева и А. Т. Мокроносов.
1952 г.

губернии и были известными старообрядческими деятелями Рогожского храма. За это мой будущий тесть А. В. Зайцев начиная с 1932 года более 10 лет находился в тюрьмах и ссылках. В семье было четыре дочери: Серафима, Олимпиада, Лидия, Маргарита. Война и высылка родителей из Москвы закинули семью сначала в село Усад, близ Муром, а потом в Свердловск. Там Маргарита закончила десять классов и поступила в университет.

В «Марусовке» моим близким другом стал Саня Силинский. Его отец тоже был репрессирован и находился около 20 лет в ссылке в Сибири. Саня учился на геологическом факультете. Сначала нас сблизили пристрастия к тайге, к походам, к камню, к фотографии. Потом были совместные экспедиции, походы, иногда совсем авантюрные. Мы прошли вдвоем Полярный, Северный, Средний и Южный Урал, Карелию, Белое море и Соловки, а потом были годы совместных работ на Колыме и Чукотке. Особенно памятным было большое путешествие на Полярный Урал летом 1956 года. Это была геологическая экскурсия по маршруту: Котлас — Печора — Оранец — гора Сабля — ледник Гофмана — верховья Вангыра — горы Народная и Манарага — сплав по реке Косью. Два сезона работали вместе на Колыме, в экспедиции по геологической съемке, в бассейнах рек Гармада, Уйкан, Наяхан, Вилига, Таватум и на Охотском побережье.

А. Д. Силинский и А. Т. Мокроносов. Колыма, Уйкан. Август 1968 г.

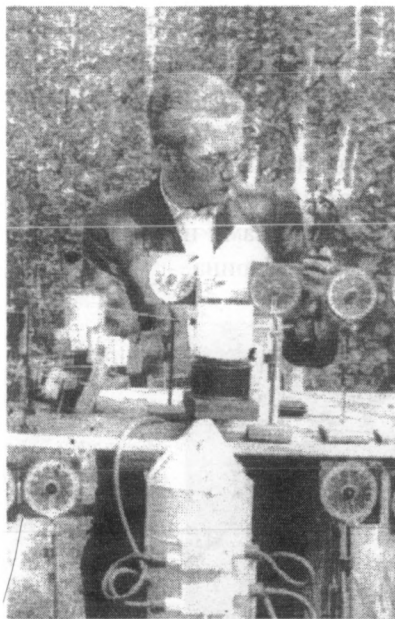
Силинские (Саня и Аннушка, его жена, тоже из нашего университета) уехали в Магадан, оттуда — на тысячу верст к северо-востоку до Омсукчана и там осели на всю жизнь. Дело их жизни — листы колымские геологической карты СССР 1 : 200 000. Силинскому Арнольду Дмитриевичу присвоили звание «Заслуженный геолог РСФСР». Мне трудно представить, чтобы какое-то звание было еще заслуженнее, чем это.

В университетские годы много работал мой учитель — профессор Григорий Васильевич Заблуда. Он быстро нашел способ общения со мной: никакого диктата, никаких заданий, полная свобода действий и долгие беседы о науке, о духовности, о жизни. Уже в студенческие годы я выполнил исследования по роли флористического состава лишайников для понимания истории флоры Урала (медаль Министерства высшего образования), потом — по экологии водного режима реликтовых растений скальных обнажений на берегах рек, потом — по физиологии орошаемого картофеля на Урале. Дипломная работа была по физиологическим основам орошаемого картофеля.

Г. В. Заблуда и А. Т. Мокроносов.
Биостанция УрГУ. Май 1969 г.

В 1951 году окончил университет по специальности «Биолог — физиолог растений». Был зачислен в аспирантуру по физиологии растений. Аспирантская тема — «Физиология клубнеобразования у картофеля». Место исследования — поля и полевая лаборатория Уральской опытной гидромелиоративной станции ВАСХНИЛ около деревни Чернобровка, в 40 километрах от Свердловска. Там прошли полные энтузиазма и увлеченного труда светлые годы с 1950-го по 1955-й.

А. Мокроносов в полевой лаборатории.
Чернобровка. 1952 г.

Моими друзьями, учениками и увлеченными коллегами в эти годы были студенты-физиологи из УрГУ Петр и Василий Юшковы, Нина Плишкина, Митникова, Иванова, Зольникова, Волкова и др. Мы жили дружной, одухотворенной коммуной. Приходили в полевую лабораторию рано утром и возвращались домой к ночи — усталые, счастливые.

В эти чернобровские годы было сделано много: детально изучены закономерности фотопериодизма картофеля, открыто явление неприкосновенности ночи в фотопериоде, впервые открыта суточная периодичность синтеза аминокислот в корнях, создан метод почвенно-воздушных культур для изучения клубнеобразования, разработана система методов ауксанографии клубней картофеля и т. д.

В то же время это были трудные годы в личной жизни. Были годы нищеты и отсутствия жилья. После университета Маргарита начала работать учителем в железнодорожной школе. С трудом удалось снять сарай, приспособленный для жилья, на улице Кузнечной. Вечная проблема с дровами, пищей, одеждой. 1951—1953 годы для нас были по-настоящему голодными и холодными годами. Осенью 1953 года родилась первая дочь — Елена. Весной 1954 года Маргарите от МПС дали комнату в 14 квадратных метров в хорошем доме со всеми удобствами на улице Свердлова. В 1958 году родилась вторая дочь — Марина.

А. Т. Мокроносос с дочерьми
Еленой и Мариной. 1969 г.

Дети росли и радовали нас своими успехами. После школы Елена окончила Уральский университет по специальности «Зоология», защитила кандидатскую диссертацию и принесла внуков: Машу и Дениса. Марина окончила Свердловский медицинский институт, вышла замуж, уехала в Москву, защитила сначала кандидатскую, а затем и докторскую диссертацию, стала известным врачом-аллергологом, принесла внучек Катю и Ксению.

Маргарита начиная с 1962 года более 20 лет работала преподавателем в Свердловском педагогическом институте. При защите кандидатской диссертации в Москве в 1972 году официальным оппонентом у нее был Н. В. Тимофеев-Ресовский.

13 июня 1955 года в Уральском университете я защитил кандидатскую диссертацию «К физиологии клубнеобразования у картофеля». Оппонировали профессор Минин и доцент Ермилов. Я был исполнен нежной благодарности к своим юным коллегам-студентам, которые делили со мной радость этого дня.

Педагогическая работа была вторым (а может, и главным) делом моей жизни. Уже с сентября 1951 года Г. В. Заблуда поручил мне читать три лекционных курса: «Фотосинтез», «Минеральное питание» и «Генетика с основами селекции». Через год к этому добавился лабораторный практикум по микробиологии, еще через два года — годовой лекционный курс «Физиология растений» для полного потока биологов, потом — годичный курс «Проблемы общей биологии» для философского факультета, спецкурс «Избранные главы физиологии растений» для физиологов, спецсеминар для физиологов и пр.

Начинать было трудно, нагрузки были до 30 часов лекций в неделю. Однажды даже потерял сознание на лекции от спазмов сосудов головного мозга. Лекционная работа во время аспирантуры не оплачивалась. Но постепенно набирался опыт, мастерство, эрудиция. Я любил лекционную работу, относился к ней очень серьезно, и студенты тоже платили мне благодарным вниманием и были активными соучастниками процесса трансляции знаний. Профессорская работа давала основу для постоянной духовной самодисциплины, расширения знаний и эрудиции, обеспечивала широту и системность знаний.

Тридцать шесть лет было отдано этой работе в Уральском университете, а потом, начиная с 1984 года, она продолжилась в Московском университете. Кроме того, пришлось читать лекционные курсы или циклы лекций в университетах и институтах Владивостока, Красноярска, Томска, Тагила, Перми, Уфы, Казани, Рязани, Ленинграда, Минска, Душанбе, Тбилиси, Софии, Пловдива, Праги, Брно, Белграда, Дели, Гаваны.

Особо надо сказать о трудных для советской биологии 40—50-х годах. Августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 года застала меня студентом третьего курса. Биофак УрГУ был недавно создан, не имел традиций и сильных кадров. Позицию Лысенко приняли безоговорочно. Единственная яркая личность — профессор В. И. Патрушев был ошельмован как вейсманист-морганист и потерял работу. Лидерами на факультете стали малообразованные люди, моментально объявившие себя твердыми мичуринцами-лысенковцами, — П. В. Лебедев, В. В. Тарчевский, Л. Н. Харченко, В. П. Голубинцева. Преподавание было быстро переведено на лысенковские программы и учебники. Любое слово в защиту научной генетики или вообще грамотной биологии немедленно объявляли антипартийной линией, и это сурово каралось. К тому времени началась новая волна больших репрессий и разгула бериевского террора.

Через три года после августовской сессии ВАСХНИЛ, когда я начал читать лекции, да еще по генетике, я сразу же стал объектом пристального внимания со стороны декана П. В. Лебедева и секретаря партбюро В. В. Тарчевского. «Охота на ведьм» все чаще приводила меня на разбирательство в инстанциях. Я быстро заслужил ярлык вейсманиста-морганиста. Наконец весной 1952 года мне приписали проведение антипартийной линии в преподавании биологии и лишили права читать курс генетики и курс физиологии растений. К счастью, из университета не изгнали, оставили за мной любимый курс «Фотосинтез». Гонение, проработки и бичевание на собраниях продолжались тринадцать лет. Только после Октябрьского пленума 1964 года меня оставили в покое.

С 1956 года мои научные интересы твердо определились проблемой фотосинтеза и частной физиологией картофеля. Появление углерода C-14 и метода бумажной хроматографии, работы Кальвина в Лоуренсовской лаборатории в США открыли перспек-

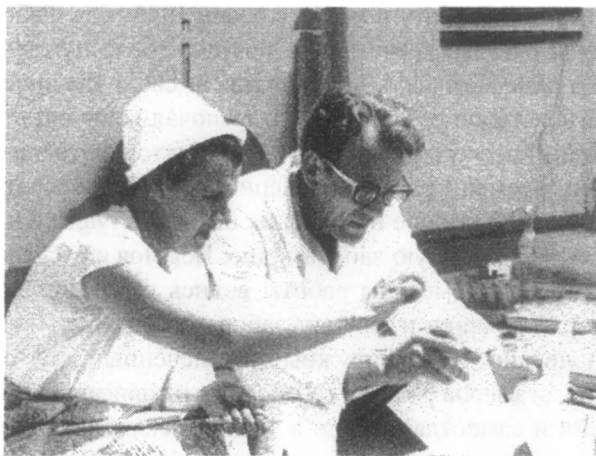
тиву исследования путей восстановления углерода при фотосинтезе. В СССР такие работы начались в лабораториях Ничипорovichа (Москва), И. Тарчевского (Казань), Заленского (Ленинград). Включились в эту работу и мы — с осени 1955 года. Работы с изотопами тогда еще засекречивались, поэтому мы вынужденно не копировали чужие методы, а разрабатывали свою удачную систему приборов и методов работы с С-14, включая количественный метод радиохимического анализа С-14 продуктов фотосинтеза.

К этому времени работы из Чернобровки перенесли в город. Удалось получить тесное помещение бывшего туалета и переоборудовать его в изотопную лабораторию. Вся моя наука сделана там за 20 лет. В летние месяцы работы велись в Ботаническом саду, где мы имели делянки и хижину-лабораторию. Все оборудование было самодельное. Какой дружный и увлеченный круг студентов, аспирантов, стажеров работал со мной в эти солнечные годы, сколько восторга и самоотдачи было в этих поисках, какую всеобщую радость приносили успехи, как огорчали неудачи! В эти годы наша лаборатория была, наверное, самым дружным и результативным научным коллективом в Свердловске. Хотя статуса лаборатории не было, не было и штата сотрудников. Было постоянно 15—30 молодых людей-студентов, каких-то стажеров, аспирантов, делавших одно единое дело, отраженное в десятках дипломных и аспирантских работ, в диссертациях, статьях, в сборниках и монографиях, в моей «timiразевской» лекции.

Таким широким был круг наших интересов. В начале 70-х годов мы стали объединять силы вокруг крупных программных задач. Так были сделаны две разработки под условными названиями «Пластохрон» (онтогенетический аспект фотосинтеза, 1971—1975) и «Мезоструктура» (анатомический уровень структурной организации фотосинтетического аппарата).

С 1971 года начались ежегодные совместные работы с О. В. Заленским и его сотрудниками (БИН АН СССР, Ленинград) по экологии фотосинтеза в аридных пустынях. На апрель — май мы выезжали в Каракумы и работали в Репетеке. Вели поиск С-4 видов, изучали особенности их метаболизма, обнаружили у С-4 видов кислородный антиэффект Варбурга, нашли переходные формы метаболизма от С-3 к С-4 — САМ-метаболизму. Здесь Володя

Пьянков обнаружил возможность совмещения у одного вида двух типов карбоксилирования при смене температур.

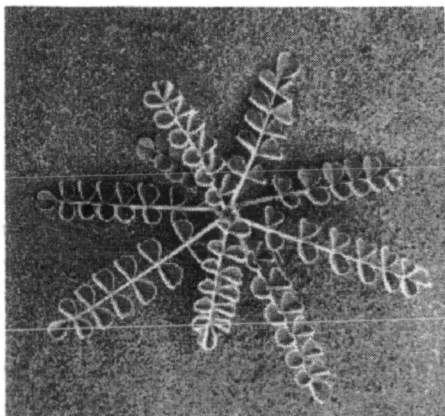

Т. А. Глаголева и А. Т. Мокроносов. Репетек. 1974 г.

Наша репетекская бригада обычно включала О. В. Заленского, А. Т. Мокроносова, Т. А. Глаголеву, З. М. Рейнус, А. В. Доброва, В. Л. Вознесенского, В. И. Пьянкова, Тадж-Дурды, А. Язкулиева, студентов, аспирантов. Жили чаще в полуразрушенной казарме заброшенной ракетной базы. Воду добывали либо из верблюжьего колодца, либо ее привозил поезд-водовозка, приходивший в Репетек раз-два в неделю. Эти годы остались в памяти яркой и знойной страницей. Личность Олега Заленского, удивительного человека и блестящего исследователя, моего вечного друга, и память о Н. И. Вавилове и С. П. Костычеве, причастных к организации исследований в песках Каракумов, оставили в жизни яркий след.

С 1972 года по начало 80-х годов экологические работы по фотосинтезу вели в Арктике: на Таймыре (Н. Фирсов, В. Королев), на о. Вайгач (А. Мокроносов, С. Назаров, В. Пьянков, А. Дьяченко, П. Воскресенский), на о. Врангеля (А. Мокроносов, В. Пьянков, С. Назаров, сотрудники ленинградских и пушинских институтов), на Колыме и Чукотке (А. Мокроносов). Особенно памятни

экспедиции на о. Вайгач (1973) — мне пришлось тогда пешком пересечь остров от Югорского Шара (Варнек) до Карских Ворот (Болванский Нос) — и экспедиция на о. Врангеля (1976), где мы работали вместе с ленинградцами большой бригадой на полярной станции острова.

Smirnovia turkestanika,
излюбленный объект при изучении фотосинтеза в Каракумах.
Репетек. 1970 г.

Работы Уральской лаборатории фотосинтеза получили известность и признание. Печатались сотни статей, к ним проявили большой интерес А. И. Опарин, А. Л. Курсанов, А. А. Красновский, А. А. Ничипорович. В октябре 1966 года я защитил докторскую диссертацию в ИФР АН СССР «Возрастные особенности фотосинтетического метаболизма углерода». Официальный отзыв был подготовлен А. И. Опариным. Перед защитой состоялась обстоятельная беседа с ним по многим, преимущественно эволюционным аспектам фотосинтеза, затронутым в диссертации. В 1963 году, в связи с отъездом в Москву В. В. Юркевича, возглавил кафедру физиологии растений в Уральском университете, заведовал ею 20 лет, до отъезда в Москву в 1983 году. В 1967 году присуждено звание профессора.

Новый период исследований начался в 1980 году — работа в составе советско-монгольской комплексной биологической экспедиции на аридном стационаре Эхин-Гол на южной (китайской) границе Монголии. Суровые условия работы в центре пустыни Гоби («мертвое сердце континента», по Н. Пржевальскому), тысячекилометровые маршруты по безводным муфельно-раскаленным просторам гобийских базальтовых гамад — все это была еще одна прекрасная школа жизни, в которой закалилось братство нашей экспедиции. В нем имена Юрия Гамалея, Николая Слемнева, Болдыгена, Петра Гунина, Шейривдамбы и их дипломниц, а также бесстрашных, неунывающих водителей наших «ГАЗ-66», способных преодолевать тысячекилометровые просторы раскаленной пустыни. Работы в Гоби велись и финансировались по ооновской программе ЮНЕП* и были ориентированы на экологию Большого Гобийского биосферного заповедника. Изучалась, например, радиационная обстановка в зонах, приближенных к китайским атомным полигонам на Нозле и Лобноре. Вместе с Ю. Гамалеем и Н. Слемневым вели исследования разнообразия типов фотосинтеза у растений пустыни Гоби. Было обнаружено и изучено явление кислородного антиэффекта Варбурга.

Маршруты экспедиций были связаны со следами экспедиций Пржевальского, Рериха, Обручева и др. Особенно памятны были посещения лагеря палеонтологической экспедиции в Южной Гоби (Алтанула), основанного в 1948 году Иваном Антоновичем Ефремовым, изучавшим здесь кладбище динозавров.

50—70-е годы были эпохой стремительного развития науки в СССР не только в Москве, где был построен Центр биологических исследований в Пущино, но и в Сибири, на Урале, на Северо-Западе, в Поволжье, на Дальнем Востоке. Возникали центры молодой науки, строились академгородки, готовились научные кадры. Среди проблем фундаментальной науки, получивших тогда интенсивное развитие, особое внимание уделялось проблеме фотосинтеза. Координацию исследований по фотосинтезу осуществлял научный совет АН СССР по проблеме фотосинтеза. С конца 50-х годов его бессменный руководитель — А. А. Ничипорович. Почти 40 лет я был членом, а потом председателем этого совета.

* Программа ООН по окружающей среде. *Прим. ред.*

Монгольская экспедиция. 1980 г.

Возникла прекрасная плеяда молодых исследователей, работающих по проблеме «Фотосинтез и продукционный процесс», разрабатываемой Ничипоровичем. За короткий срок были созданы институты и фотолaborатории в Пушкино (В. Евстигнеев), Минске (А. Шлык), Тарту (Ю. Росс), Таллине (О. Кеерберг), Тбилиси (Г. Санадзе), Баку (Д. Ж. Алиев, А. Гасаров), Душанбе (Ю. Насыров), Хороге (Х. Юсуфбеков), Алма-Ате (В. Беденко), Казани (И. Тарчевский), Свердловске (А. Мокроносов), Красноярске (Г. Лисовский), Томске (Р. Карначук), Владивостоке (Э. Титлянов). Научный совет был организатором научного содружества ученых-единомышленников, постоянно разрабатывал и корректировал долгосрочные научные программы и разовые исследовательские проекты. Советом были организованы десятки международных и национальных конгрессов, симпозиумов, рабочих совещаний и семинаров, охвативших основные проблемы фотосинтеза и развития их в стране. Такие форумы проводились в исследовательских центрах не только двух столиц и Пушкино, но и в Эстонии, Белоруссии, Молдавии, Грузии, Азербайджане, Таджикистане, Казани,

Красноярске, Владивостоке, на Сахалине и т. д. Кроме того, совет ежегодно проводил научные форумы по проблеме фотосинтеза, разрабатываемой по международным программам стран СЭВ. Такие конференции проводились поочередно во всех странах Восточной Европы, а также в Москве, Таллине, Ленинграде.

Это были годы необыкновенно высокой творческой активности ученых, вовлечения в поток научной жизни самых выдающихся исследователей США, Западной Европы, Японии, Индии. Научный совет активно влиял на подготовку научных кадров, велась издательская деятельность. Мне пришлось тогда много сотрудничать с коллегами из национальных республик. Эти связи выражались не только в постоянной координации научных проектов, методик, исследований, чтении лекций и проведении семинаров, они давали возможность много путешествовать и познавать эти замечательные страны, их народы и культуры.

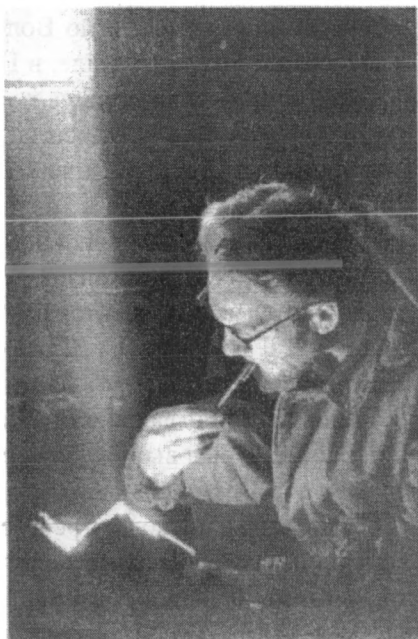
Особенно много пришлось путешествовать по Таджикистану с Ю. Насыровым. Мы совершили много путешествий по берегам Пянджа от Ишкашима до Термеза, включая ущелья Гунта, Язгулема, Ванча, прошли весь Вахш от реки Сурхоб до Тигровой Балки и хребтов, пересекли Высокий Памир от Хорога через перевал в Алайскую и Ферганскую долины. Эти путешествия дали материал для трех научных программ, подготовленных для президента АН Таджикистана Азимова, а в 1988 году — для главы государства Махкамова.

Туркестанские путешествия были освещены идеями и памятью Н. И. Вавилова и, несомненно, оставили след в развитии биологии в Таджикистане. Все это отражено в книге академика Ю. Насырова «Факел познания» (М., 1994). Пройдут годы, и в местах наших маршрутов начнутся кровопролитные конфликты, участниками которых станут правительственные и оппозиционные силы таджиков, афганских моджахедов и российских пограничников.

Столь же впечатляющими были поездки с Г. Санадзе и Л. Кварцхавой по Грузии и Армении, включая пеший переход по Военно-Грузинской дороге.

Помимо экспедиционных, научно-организационных и просто познавательных путешествий, которые охватили Колыму, Сахалин, Енисей, Тянь-Шань, были серьезные экспедиции к Северу. В 1958 году была проведена зоолого-ботаническая экспедиция

на Полярный Урал, руководителем которой был академик Шварц. Мы прошли тогда на хребет к истокам реки Ламбекю, затем вышли к станции Собь и спустились к низовьям Оби, в Лобытнанги и Салехард. Здесь оказались в зоне «стройки 508», одной из самых страшных страниц в истории сталинско-бериевского ГУЛАГа. Нам пришлось даже проехать небольшой участок (около 100 километров) заброшенной «мертвой дороги», начавшейся в Салехарде и нацеленной на Дудинку.

На Колыме близ мыса Надежды.
Август 1963 г.

В 1965 году совершено памятное путешествие с Э. Климашевским по сихотэ-алинским маршрутам В. К. Арсеньева. Пеший переход побережьем от Тернея до бухты Валентин, где работали на заготовке морской капусты, а затем перебрались на о. Путятин, изучали там состояние реликтового лотосового озера, собирали материал о «хозяине» острова А. Д. Старцеве — сыне декабриста Н. А. Бестужева. И даже на сейнере выходили на пугину на трое суток на лов сайры.

Помимо научных экспедиций и поездок, находил время для любительских путешествий по историко-культурным местам (Киж и Заонежье, Медвежьегорск и Яндом-озеро, Соловки, Северная Двина). Памятным было лето 1960 года, совместное путешествие по Северной Двине с московским художником и журналистом Ю. А. Арбатом — знатоком и исследователем народных художественных промыслов.

Когда выкраивалось отпускное время для отдыха, проводили его с семьей или вдвоем с Маргаритой в Крыму, в Гагре, на Керченце, путешествовали по Волге, были в Карелии на Сег-озере, в Пушкиногорье, в Суздале, в Подмоскowie.

Летом 1973 года пришла пора отстоять вахту административной работы: я был назначен на пост проректора по науке Уральского университета. На плечи легла тяжесть административной работы в университете с численностью 10—15 тысяч человек. Ректором был Паригорий Евстафьевич Суетин — замечательный организатор и ученый физик-атомщик. Сотрудничали мы плодотворно. Другими проректорами были Б. А. Сутырин (позднее его сменил Р. Г. Пихоя) и С. Д. Кохан (позднее М. Я. Перельштейн). В ректорате университета сложилась творческая и дружественная обстановка. Никогда не испытывая пристрастия к административной работе, я был вынужден серьезно заниматься ею и честно нес свой крест. Время совпало с перестройкой всей системы научной работы в высшей школе, с реорганизацией Высшей аттестационной комиссии, с перестройкой аспирантуры, издательской деятельности, системы финансирования. Главное, что нам удалось сделать за эти годы, — утроить объем финансирования НИР по хозяйственным, создать три новые отраслевые лаборатории, организовать постоянные экспедиции — археографическую, эколого-физиологическую. Были разобраны фонды библиотеки, выделены в них и инвентаризованы библиотеки Царскосельского лицея, Анатолия Демидова, Ван дер Флита, трофейные библиотеки ряда немецких университетов. Большая часть фондов (в том числе библиотека Лицея) были возвращены по назначению. На основе богатых сборов и находок археографической экспедиции был создан фонд древней русской книги и открыт музей книги, организатором ко-

торого стал талантливый молодой археограф Рудольф Германович Пихоя. К концу 70-х годов успешно выполнялась программа «Духовная культура Урала», на базе которой позже при университете был создан научно-исследовательский институт «История культуры Урала». Большим успехом было открытие в университете уставного книжного издательства.

Осенью 1977 года я убедил ректора П. Е. Суетина освободить меня от проректорства, чтобы вернуться к изучению фотосинтеза. Оставив административную работу, я смог заняться запущенными делами кафедры, вернулся к экспедициям и лабораторным исследованиям. Получив «вольную», уехал на полгода в Москву и написал книгу «Онтогенетический аспект фотосинтеза» (М.: Наука, 1981).

Начиная с 1978 года мы организовали ежегодную летнюю эколого-физиологическую практику студентов-физиологов на Биостанции университета. Программа этой практики удачно сочетала исследовательские и учебные задачи. В полевой лаборатории увлеченно работали до 20 сотрудников и студентов кафедры.

К этому времени лаборатория выпустила несколько сборников трудов, среди них монография «Мезоструктура фотосинтетического аппарата». 26 декабря 1981 года Отделение биохимии, биофизики и химии физиологически активных соединений АН СССР избрало меня членом-корреспондентом АН СССР. Самым приятным в этом событии была искренняя радость многочисленных друзей, отозвавшихся на сообщение печати. В том же году получил почетное звание «Заслуженный деятель науки РСФСР» и был награжден орденом «Знак почета». Этот «звездопад» насторожил меня. Скоро последовало то, что следовало ожидать: президент АН СССР А. П. Александров обратился к первому секретарю Свердловского обкома КПСС Б. Н. Ельцину с просьбой о переводе меня в Москву, в Институт физиологии растений АН СССР (ИФР), в качестве преемника директора института академика А. Л. Курсанова. Начался двухлетний диалог высших руководителей.

Я тем временем прочитал лекцию на ежегодных, 42-х, Тимирязевских чтениях в ИФРе — «Фотосинтез и целостность растительного организма». Это было 3 июня 1981 года. Лекция прошла успешно, к осени подготовил ее для печати. Осенью 1982 года,

Вручение диплома «Заслуженный деятель науки РСФСР».
Свердловск. 1981 г.

вернувшись из последней Монгольской экспедиции, я узнал, что вопрос о переводе в Москву окончательно решен. Начался последний, 36-й год пребывания в родном университете. Это был год прощания со всем, что было долгой, счастливой жизнью. Никаких иллюзий не было: хорошо знал, что такое Москва, знал всю сложность нравственных коллизий в ИФРе, хорошо знал, как встречают чужака в недружной стае, знал, как мнимые друзья повернутся спиной, знал и предвидел все, и ни в чем не ошибся — то была дорога на эшафот. Я шел на нее по доброй воле. Было этому три причины.

Первая. На Урале сложилась обстановка, в которой отсутствие современной лаборатории, оборудования и штатов исключало практически возможность дальнейшего развития исследований. Одними только силами студентов и на самодельных, примитивных приборах уже невозможно было работать на современном уровне. Я обратился к президенту УНЦ АН СССР с просьбой решить вопрос о лаборатории для работ по фотосинтезу. Академик С. В. Вонсовский передал этот вопрос директору Института экологии В. Н. Большакову. В ответ было получено предложение В. Н. Большакова принять

должность начальника Талицкого лесного стационара — пустого барака в двухстах километрах от Свердловска с тремя-четырьмя техническими работниками (лесниками). В ИФРе же я мог рассчитывать на организацию лаборатории.

Вторая. Просьбы А. Л. Курсанова разделить с ним тяжесть руководства институтом и быть с ним в его трудные годы были столь настойчивы и понятны мне, что, питая огромное уважение к нему как к учителю, не мог отказать ему в этом. По-видимому, я действительно оказался тем человеком, который был нужен ему в эти годы. В первый же год в Москве мне пришлось взять на себя функции: заместителя директора института, заместителя редактора журнала «Физиология растений», заведующего лабораторией онтогенеза и экологии фотосинтеза, профессора кафедры в МГУ, председателя научного совета по физиологии и биохимии растений АН СССР, члена экспертного совета Высшей аттестационной комиссии и еще с десятков других.

Третья. К началу 80-х годов все больше осложнялось положение в советской физиологии растений, что было связано с рядом субъективных явлений, напоминавших времена лысенковщины. Мне казалось, что я не могу стоять в стороне от этой задачи — укрепить, чем могу, позиции этой отрасли биологии в стране.

Все эти причины носили очень глубокий личный характер, ими я переболел, как тяжелой болезнью. Тысячи сомнений, зрелых раздумий, трагедия расставания с Уралом, с университетом, с кафедрой и лабораторией, с друзьями, с родными и любимыми людьми, с отчими могилами, с тайгой, с родными зелеными горами, с Необитаемым островом — казалось, всего этого не пережить.

Прощание наступило утром 2 апреля 1983 года. Вещи в контейнерах уже были отправлены в Москву. Мы уезжали поездом «Урал». Проводить пришли десятки друзей, отправку поезда задержали на пять минут. За окнами вагона медленно проплывал родной город, потом леса, мосты, Палкино, Северка, Вершина, Хрустальная... Каждый куст у дороги, леса, дороги и тропы — все было родным, приросшим к сердцу тысячами воспоминаний... Казалось, в этот час закончилась жизнь. Исчезало все, что было дорого и светло.

Москва. Листопад

3 апреля 1983 года был зачислен в штат Института физиологии растений имени Тимирязева АН СССР (ИФР) в качестве заведующего лабораторией онтогенеза и экологии фотосинтеза. Институт, основанный в 1890 году А. С. Фаминицыным, — одно из старейших научных учреждений Академии наук. Директором института был выдающийся биохимик и физиолог растений, ученик А. И. Опарина восьмидесятилетний академик Андрей Львович Курсанов. Численность института превышала 500 сотрудников. В 60—70-е годы институт получил новые корпуса и фитотрон, строившийся еще в 50-х годах. В кадровом составе института было две возрастные группы: старшее поколение школы Н. А. Максимова (Чайлахян, Генкель, Прокофьев, Ничипорович, Клешнин, Туманов, Строганов, Бутенко) и младшее поколение шестидесятников, пришедших в институт вслед за А. Л. Курсановым (Семененко, Молотковский, Кулаева, Вахмистров, Кефели, Измайлов, Новицкий, Вартепетян). Это послевоенное поколение физиологов уже к началу 80-х годов приняло на себя основной груз всей деятельности института.

А. Л. Курсанов и А. Т. Мокронос

За короткое время, уже в первые годы после моего прихода, институт потерял крупных ученых — лидеров научных школ: П. А. Генкеля, И. И. Туманова, М. Х. Чайлахяна, Б. П. Строганова, Н. П. Воскресенскую, Ю. В. Ракитина, А. Ф. Клешина, Ю. Г. Молотковского, А. А. Прокофьева, А. А. Ничипоровича. Добрая половина лабораторий с уходом из жизни их руководителей осталась без равноценных лидеров, и потребовалось почти 10 лет, чтобы подобрать новый состав заведующих лабораториями. Однако к середине 90-х годов появилась новая генерация молодых докторов: Н. Г. Бухов, Н. В. Обручева, Л. А. Ковалева, Вл. В. Кузнецов, Вик. В. Кузнецов, А. М. Носов, А. В. Носов, Н. А. Пронина, Ю. В. Балнокин, Л. Н. Цоглин, П. В. Власов, Г. А. Романов и др.

С осени 1984 года я был утвержден заместителем директора. Начались трудные годы, подолгу приходилось исполнять функции не только других заместителей директора, но часто, при отсутствии в институте А. Л. Курсанова, и самого директора. Нагрузки стремительно росли, так как, по правилам того времени, в академии многие академические поручения исполнялись обычно членами самой академии. Уже к 1986 году пришлось быть председателем научного совета по проблеме физиологии растений, членом экспертного совета ВАК СССР, членом экспертного совета по присуждению Ленинских и Государственных премий, редактором журнала «Физиология растений», членом бюро Отделения биохимии и биофизики АН СССР, быть административным ответственным международной программы КПНТП и в этом качестве выступать на заседании Президиума Совета Министров СССР. По этой программе институт был головной организацией по двум направлениям (Р. Г. Бутенко и В. Е. Семененко). Именно это дало возможность получить правительственное постановление и деньги для строительства биотехнологического стендового корпуса, что к 1989 году позволило почти удвоить лабораторные площади института. Кроме того, приходилось выполнять множество поручений президиума и бюро Отделения АН СССР и ГКНТ*. Например, М. С. Горбачев и Р. Ганди подписали договор о советско-индийском сотрудничестве по нескольким направлениям фундаментальной науки, одно из которых представляла программа «Фотосинтез». Соруководителями

* Государственный комитет по науке и технике. *Прим. ред.*

этой программы были А. Т. Мокроносов и Пр. Маханги (Индия). По этой программе наши сотрудники работали в Индии и было проведено три симпозиума по проблеме фотосинтеза в условиях экологического стресса — в Дели (1987, 1992) и в Пущино (1990).

В 1989 году руководил большой бригадой ученых, совершившей деловую поездку в Дели, Бангалор, Мадрас, Бомбей, Хайдарабад, Калькутту. В исследовательских академических, университетских и коммерческих центрах обсуждали и подписывали контракты на совместное выполнение научных проектов. В этой поездке состоялось мое знакомство со Святославом Рерихом.

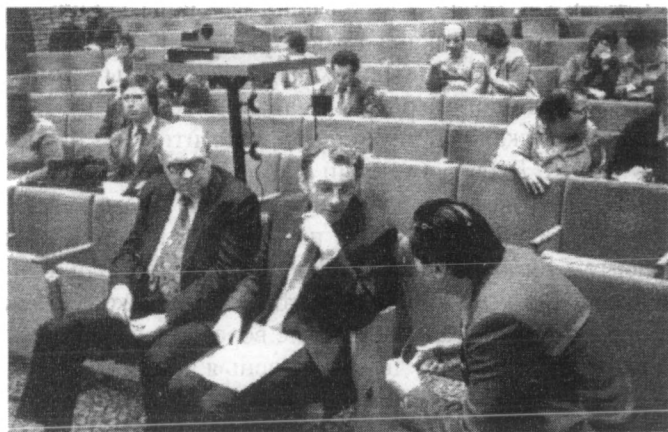
У Святослава Рериха.
Индия. 11 марта 1990 г.

На 80-е годы пришлось много других зарубежных поездок с целью организации научного сотрудничества, чтение лекций в университетах и участие в научных конференциях и симпозиумах.

Весной 1985 года работал в качестве эксперта по проблеме «Экология» в Штаб-квартире ООН в Найроби (Кения). Удалось выбрать время для поездки в Танзанию, на берег Индийского океана, и даже на Килиманджаро.

В 1986 году три недели был гостем Академии наук Кубы. Основательно познакомившись с биологической наукой и биотехноло-

гией в Гаване, совершил длительную поездку через весь остров на восток до Баракоа и американской базы Гуантанамо с заездом

Во время работы школы физиологии растений.
Звенигород. 1985 г.

в Сьен-Фуэгос, Тринидад и Плайя-Хирон. При этом читал лекции в университетах Гаваны, Сантьяго-де-Куба и в здании Капитолия, переданном Ф. Кастро Кубинской академии.

Ежегодно было две-три поездки по странам Европы. Политическая нестабильность в конце 80-х годов и распад социалистического лагеря происходили на моих глазах. Например, 18 ноября 1989 года утром прилетел в Прагу, чтобы прочитать цикл лекций для студентов Карлова университета, и оказался в центре Пражской «бархатной революции». Меня поселили в гостевом доме ректора на улице Селетна. Окна моих комнат были обращены на Старомесскую площадь, где круглые сутки шумели революционные митинги многотысячной толпы.

Студенты приходили ко мне, зазывали в университет, где действовал режим общей стачки, откуда после многочасовых дискуссий мы уходили на людную Вацлавскую площадь — там собирались сотни тысяч пражан. Под шелест осеннего дождя митинги не прекращались до утра. Опасаясь провокаций, студенты охраняли меня и расходились только после того, как за мной закрывались чу-

гунные ворота Карловицы. «Бархатная революция» победила 24 ноября, когда пал коммунистический режим Г. Гусака. Морозным утром 25 ноября сотни тысяч пражан, миновав Карлов мост, поднимались к собору Св. Витте, где девяностолетний кардинал Томасон вместе с послами Ватикана возводил в ранг святой Аннешку. На горбатых улицах было очень холодно, студенты в конфедератках разогревали пиво в огромных чанах и угощали им прохожих. До вечера продолжался полумиллионный митинг на Летном поле, где выступали А. Дубчек, будущий президент В. Гавел, барды, и все это сопровождалось ликованием всей Златой Праги.

Месяцем раньше, 25 октября, находился в Берлине, читал лекции студентам Гумбольдтова университета. В тот день пал режим Э. Хонеккера. Всю ночь Берлин ликовал. На несколько часов открылся проезд через Бранденбургские ворота на запад, Берлинская стена доживала последние дни. Этот день я провел в Берлин-Бухе, в Институте молекулярной биологии АН ГДР, в бывшем Кайзер-Вильгельм-институте, где 20 лет работали Н. Тимофеев-Ресовский и А. Царапкин. Пришел в двухэтажный дом в тенистом парке, где старая фрау, знавшая русских, даже Н. Вавилова, С. Рахманинова, И. Бунина, угощала меня кофе. На первом этаже в 20—30-е годы была квартира Тимофеевых, на втором этаже — квартира М. Планка, а затем М. Дельбрук. Эмоциональность этой поездки оставила глубокий след в памяти.

В декабре 1987 года был избран действительным членом (академиком) АН СССР по Отделению физико-химической биологии, а через год, пройдя через три этапа демократических выборов, стал первым выборным директором ИФРа. Дирекция была сформирована в составе: В. Е. Семененко и Вл. В. Кузнецов — заместители директора по науке, Ю. Д. Шепилов — заместитель по общим вопросам, В. Д. Цыдендамбаев — ученый секретарь. Состав дирекции оказался удачным, и все годы мы работали дружно и с хорошим взаимопониманием. Только Ю. Д. Шепилов через пять лет покинул институт по личным мотивам, и эту вакансию я убедил занять Ю. И. Новицкого. Для главного хозяйственника наступали очень трудные времена, и я благодарен Юрию Ивановичу за ту самоотверженность, с которой он нес свой крест. Трудная доля досталась также Вл. В. Кузнецову, на которого директор возложил организацию коммерческой деятельности института, ставшей необходимым условием выживания академических институтов с начала 90-х годов.

Реорганизация Б. Н. Ельциным АН СССР в 1991 году в Российскую академию наук и последующая разрушительная политика государства по отношению к академической науке выразились в шести- и семикратном сокращении бюджетного финансирования академии и поставили институты на грань гибели. В этих условиях потребовалось привлекать до 20—30 % внебюджетных источников, численность института за два года была сокращена почти на четверть. Отключались камеры фитотрона и другие энергоемкие установки, ограничивались ресурсоемкие программы, создавался жесткий режим на расходование воды, тепла, энергии, средств связи, транспорта. Финансирование института стало аритмичным, выплата заработной платы задерживалась иногда на два-три месяца. Институт имел задолженность за коммунальные услуги. Все это создавало сильную социальную напряженность, вызывало недовольство сотрудников деятельностью администрации и требовало огромного напряжения и высокой активности от всех нас.

Начался отъезд ученых за рубеж. Но самым тревожным был отток научной молодежи в коммерческие структуры. Практически прекратился приток молодых специалистов, оканчивающих вузы. Руководители лабораторий, спасая свои коллективы, активно участвовали в конкурсах научных проектов на зарубежные и отечественные гранты. Часто это приводило к появлению случайной, но финансируемой тематики. Например, лаборатория фотосинтеза была вынуждена заняться не свойственной ей проблемой «Количественная оценка составляющей углеродного баланса (сток и эмиссия углекислоты, резервирование углерода) на всей территории России». Эти данные были необходимы для ратификации Парламентом РФ участия России в международной конвенции «Глобальные изменения окружающей среды и климата». Я взял на себя научное руководство этой программой. Задачу удалось решить, и результаты были приняты правительством.

Несмотря на создававшуюся обстановку, удалось сохранить основные направления фундаментальных исследований, проводившихся и ранее на самом высоком уровне, в области изучения молекулярно-генетических основ внутриклеточной регуляции фототрофных клеток (лаборатория В. Е. Семененко). Крупными достижениями этой лаборатории стали: открытие CO_2 -концентрирующих механизмов (Н. Пронина); получившие мировое признание работы

по трансдукции гормонального сигнала, выразившиеся в открытии цитокинин-связывающих белков, и исследования гормональной регуляции синтеза белков тилакоидных мембран (О. Кулаева, Вик. Кузнецов и др.); изучение принципов регуляции ионного гомеостаза (Ю. Молотковский) и его связи с осморегуляцией и солеустойчивостью (Ю. Балнокин); создание молекулярно-генетической концепции последовательности адаптивных процессов в условиях стресса (Вл. Кузнецов); открытие сократительных белков флоэмы и изучение их функции и связи с флоэмным транспортом и динамикой цитоскелета (М. Туркина); изучение синтеза стероидных соединений в клеточной культуре и в биотехнологических установках (Р. Бутенко, А. Носов); создание генетических коллекций водорослей (М. Владимирова, Е. Купцова), клеточных культур, криобанка семян разных видов (А. Попов), арабидопсиса (Вл. Кузнецов). Эти и другие направления по-прежнему обеспечивали высокий авторитет институту, и администрация делала все возможное, чтобы в трагические 80—90-е годы сохранить эти направления фундаментальных исследований.

Стремительное развитие физико-химической биологии на одном фланге и экологии, ботаники, зоологии — на другом создало на грани 70—80-х годов сложную ситуацию для биологических наук, исследующих промежуточные уровни организации биологических систем, в том числе для физиологии, микробиологии, цитологии. Игнорирование этой группы наук становилось все сильнее, особенно в Отделении физико-химической биологии, в которую входит ИФР РАН. Физиологи растений вынуждены были активно защищать и отстаивать свои интересы в академии. Для директора ИФРа это стало основной задачей. Вот некоторые шаги для укрепления позиций физиологии растений в академии:

1. В 1988 году было создано Всесоюзное общество физиологов растений (ВОФР). На учредительном съезде я выступил с большим докладом о положении нашей науки в системе современной физиологии, определив физиологию как обязательное звено в интеграции физико-химической биологии и экологического фланга биологии. Подобные аналитические доклады были сделаны на двух последующих съездах и годовичных собраниях ВОФР. На учредительном съезде был избран первым президентом ВОФР. Второй съезд общества прошел в Минске в 1990 году с числом участников

около 1000 и очень широкой научной программой. Следующий съезд прошел в Петербурге и собрал около 900 участников. Я предложил петербургскому съезду избрать президентом В. Кефели. Новый президент ввел в практику годичное собрание общества. Организация ВОФРа позволила вступить в Европейскую федерацию обществ физиологов растений (FESPP), что состоялось на международном конгрессе в Сплите и ликвидировало международную изоляцию отечественной физиологии растений. Под эгидой FESPP и при ее финансовой поддержке начиная с 1989 года стали проводиться международные симпозиумы по проблемам физиологии растений в Москве, Пушкино, Петербурге.

2. Мною были сделаны доклады на президиуме РАН (1993), на годичных собраниях Отделения физико-химической биологии.

3. Был изменен статус журнала «Физиология растений». Начиная с 1992 года журнал стал выходить в русском и англоязычном вариантах по современным издательским и полиграфическим технологиям, что было достигнуто переходом издания журнала в фирму «Интерпериодика». Новый уровень журнала обеспечивался в условиях, когда экономические трудности науки и распад СССР вызвали заметное сокращение поступления статей и ухудшение их качества. По сравнению с предшествующими сорока годами издания журнала потребовался новый уровень редакции и редакционной коллегии. Эту задачу взяли на свои плечи Д. Б. Вахмистров, В. С. Дзюбенко, П. Ю. Воронин, Л. И. Огнева.

4. Позиции физиологии растений в стране определялись также состоянием университетских кафедр. В 1984 году А. Л. Курсанов согласился возглавить кафедру физиологии растений в Московском университете. О. Н. Кулаева, Р. Б. Бутенко и А. Т. Мокроносов стали профессорами кафедры. Я возобновил чтение общего курса физиологии растений и спецкурса «Фотосинтез». Вместе с В. Гавриленко мы написали и выпустили в издательстве МГУ учебник «Фотосинтез (эколого-физиологические аспекты)». В 1985—1994 годах был заведующим кафедрой физиологии растений и передал ее профессору Игорю Павловичу Ермакову. Мой преемник сумел хорошо поставить учебный процесс и дела кафедры в трудные для Московского университета годы. В качестве президента ВОФР и председателя научного совета я содействовал восстановлению кафедр физиологии растений в Томском и Дальневосточном университетах.

Послесловие. Зима

Последние 10 лет жизни состояние здоровья Адольфа Трофимовича резко ухудшилось. После нескольких микроинфарктов появилась сердечная недостаточность, беспокоили постоянные приступы затрудненного дыхания. Страшный приговор вынесли доктора-офтальмологи в 1992 году: злокачественное течение глаукомы, впереди полная слепота. Операции на глазах, длительные пребывания в стационаре с редкими периодами относительного благополучия. Медленно угасали последние лучи света, в 95-м занавес полностью закрыл окно в мир. Все мы, близкие, поражались, с какими стойкостью и мужеством переносил он боль, темноту, вынужденную гиподинамию. Его могучее жизнелюбие, всепоглощающая работоспособность давали силы для борьбы с недугами.

Шли тяжелые годы перестройки, всеобщего презрения к интеллигенции, развала науки. Дело его жизни — физиология растений, за которое он был в ответе перед отечественной наукой, находилось под угрозой полного краха. Адольф Трофимович считал своим святым долгом идти до конца, отдавая этому свои последние силы. На свет смотрел глазами жены, верной спутницы Маргариты Александровны. Вместе писали статьи, читали специальную и периодическую литературу, голосовали на академических собраниях, готовились к выступлениям и лекциям.

Много времени он уделял воспитанию детей, внуков, вкладывал в их сознание истинные ценности: любовь к России, к природе, истории своей семьи и государства. Болезненно воспринимал всеобщую коммерциализацию, стремился оградить от нее неокрепшие детские души. Пытался оградить внуков от навязчивого оболванивания бездуховным миром телевидения. В частых беседах

с детьми рассказывал о своих бесстрашных подвигах в путешествиях, чудесах и величии природы, встречах с удивительными людьми. Его семейное прозвище Мюнхгаузен как нельзя более точно определяло его характер.

В тех случаях, когда слушающие смели сомневаться, он доставал свои удивительные фотографии, запечатлевшие эпизоды его приключений. Выполненные в черно-белом цвете, большим форматом, они погружали нас в огромный и прекрасный мир, простирающийся, как он говорил, «за пределами московской кольцевой дороги». Вообще, судя по фотографиям, у него был особый дар видеть окружающее глазами художника. Потеря любимого своего детища — занятий фотографией была одной из самых тяжелых потерь с утратой зрения.

А. Т. Мокроносов.
Москва. 17 октября 1998 г.

В трудные и кризисные моменты в семье он был молчалив и немногословен. В крайних случаях от него можно было услышать категоричный вердикт. Он был совсем не требователен в бытовой жизни (к еде, условиям жилья, одежде). Истинной ценностью домашнего очага для него всегда были книги. Он оставил огромную

библиотеку. Среди книг, подобранных по темам: пушкиниана, история государства Российского, полярные путешествия, география российских городов. Произведения любимых авторов (Окуджавы, Астафьева, Блока, Вавилова, Айтматова, Гумилева) стоят на полках и хранят тепло его рук.

Он любил людей. Никогда мы не слышали, чтобы он говорил о ком-то плохо. В каждом человеке умел найти самые хорошие черты и оценить их. Умел слушать, никогда не унижал мнение собеседника, даже если оно было абсурдно. С ним чувствовали себя легко все, независимо от социального положения, и дети, и взрослые. Его советы, ненавязчивые и тактичные, стали путеводной звездой для многих близких и неблизких ему людей.

Адольф Трофимович был редчайшим самородком, самоцветом Уральской земли. Его взрастили Уральские горы, тайга, справедливые деревенские устои, жестокие реалии военного детства и послевоенной нищеты. Ему чужды были интриганство и двуличие московской жизни. Последние семнадцать лет жизни «на чужбине» он оценивал так: «Дерево перенесло пересадку, но потеряло свой декоративный вид». Свою болезнь он воспринимал как кару за измену своей малой родине. Его последние слова были: «Как мало я успел сделать в жизни!»

*Марина Адольфовна
Мокроносова*

**«...ЧЕРЕЗ ЖИЗНЬ
И СЕРДЦЕ»**

Из творческого наследия

Никола Зимний

В моей деревне стоял Никольский собор. На Николу Зимнего, во второй половине декабря, все ждали Никольскую ярмарку. Были лютые морозы. С Оби, с Обдорска и Березова приходили обозы с рыбой. Торговой мерой была конская дуга. Мороженых осетров и муксунов складывали под нее — сколько влезет. На церковной площади горели костры, в больших казанах варили пельмени. Мороз не был помехой праздничной ярмарке. Сквозь иней и пронизанную зимним солнцем бриллиантовую пыль изморози пробивались задорные частушки, люди в валенках и заиндевелых шубах весело отплясывали под сиплую на морозе гармошку. В клубах морозного дыма скакали куда-то кони.

В 1934 году деревня собралась на площади «зорить» храм. Уже был разобран в основании, подрублен и сокрушен высокий крест колокольни. Было странно и тревожно видеть золоченый двадцатиметровый шпиль с фигурным золотым крестом поверженным, распластным на земле. Народ молча толпился вокруг. Около стен храма вырастала гора икон и книг. Их на носилках выносили из церкви веселые парни и девчонки в красных косынках. Секретарь ячейки начал митинг. Он говорил о скорой победе мировой революции, о ликвидации кулачества, о церкви, о религии, о позах-захребетниках. Призвав огнем уничтожить опиум народа, секретарь поджег кучу ранее заготовленного хвороста и бросил в костер какую-то древнюю книгу, затем несколько икон. Молодежь сначала несмело, но потом все задорнее метала в огонь черные доски и книги. Огонь набирал силу.

Собравшиеся на площади старухи вопили, кричали проклятья, вздымали вверх руки. Но кары Божьей не последовало, и толпа все больше смелела и отдавалась азарту. В жарком огне корчились и трещали кипарисовые доски со страдальческими лицами, коробилась темная кожа переплетов, топорщились и вспыхивали желтые листы книг.

Подчиняясь общему восторгу очищения, я волочил к огню тяжелую доску, и Богоматерь смотрела на меня, шестилетнего безумца, огромными печальными глазами. Налетевшая откуда-то старуха Ципушиха так ударила меня по спине можжевельным посохом, что от боли я потерял сознание, и когда пришел в себя, увидел, как Ципушиха, прижав икону к груди, убегала к темной, спасительной стене тайги. Боль долго не утихала. Я сидел скулил, размазывая слезы.

Прошло много лет, и там, где была когда-то церковь и шумела зимняя ярмарка, я застал большой неопрятный пустырь, заросший полынью. Там, где горел костер когда-то, поднимался жертвенный обелиск со звездой и на нем 220 имен. Я помню почти каждого в тот огненный день у поверженного храма — юных, озаренных верой, что в этом костре догорают последние остатки зла и несправедливости. Такими они и остались в памяти, сгорев сами в огне войны.

Красный крестный

Крестным отцом на моих красных крестинах (выселок Луч, июнь 1928) был Афоня Синяковский. В Гражданскую войну партизанил, защищал советскую власть.

Потом, до самого расстрела в 1937 году, рубил деревенские мосты. Во главе артели плотников ходил по уральским деревням и строил мосты через реки, лога, распадки. Ни семьи, ни двора, все богатство — плотницкий топор за кушаком.

Но был он при этом непревзойденным мастером, знавшим повадки уральских рек, то кротких, то грозных и разрушительных в пору паводков. Десятки мостов остались после Афони, иные — подлинные шедевры деревянного зодчества, ажурно вознесенные

над крутыми, яркими берегами. И все они выстояли в многолетних испытаниях, в натиске вешних вод и ливневых паводков.

И сейчас, через 70 лет, еще служат людям Афонины мосты. Он любил их, любил свой труд, и на моих крестинах, поднявшись на березовый пень-трибуну, произнес речь о близкой и полной победе мирового пролетариата и завещал мне, своему красному крестнику, довести эту победу до полного конца. Там же Афоня подарил младенцу Собрание сочинений Ленина.

В 37-м моего крестного расстреляли, как врага народа и экспроприатора, а Собрание сочинений Ленина на моих глазах сожгли в печи — первое издание редактировал Бухарин.

Висят над реками Афонины мосты, а я так и не довел до победы дело мировой революции.

25 августа 1988 г.

Дед Иван

Крестьянский парень призван служить на царский военный флот. Более 20 лет плаваний, три или четыре кругосветных тура под Андреевским флагом. Все моря, океаны, континенты, все полушария — к северу и к югу от экватора, к востоку и западу от Гринвича. Короткая служба на легендарном «Варяге», потом — новый, купленный в Британии крейсер «Цесаревич», на нем в чине унтер-офицера Иван Мокроносов участвует в порт-артурской эпопее.

Эскадрой командует С. О. Макаров. Сохранился снимок — адмирал Макаров на «Цесаревиче». Дед Иван был очевидцем гибели флагмана эскадры — крейсера «Петропавловск», а с ним — Макарова и Верещагина. Флагманом порт-артурской эскадры становится «Цесаревич», командующим — адмирал Витгофт.

Знаменитый бой 10 августа 1904 года — прорыв японской блокады. На «Цесаревиче» повреждены машина, управление, погиб командир. Иван ведет артиллерийский бой. Его страхует миноносец «Бесшумный», на котором командует Никифор Бегичев — знаменитый после полярный исследователь и путешественник. Оба, Иван Мокроносов и Никифор Бегичев, за этот бой получили

по две награды — по Георгиевскому кресту и по памятной медали с надписью «Да вознесет вас Господь в свое время».

После Японской войны, уже в 1908 году, «Цесаревич» и «Алмаз» возвращались на Родину. В порт Мессина на Сицилии вошли в день землетрясения и много дней занимались спасением и оказанием помощи пострадавшим. Через 75 лет, в 1983 году, на деньги, собранные населением Мессины, там был поставлен обелиск в благодарность русским морякам крейсеров «Цесаревич» и «Алмаз».

Вернулся Иван в Леневку при всех морских регалиях, полным Георгиевским кавалером. Устроил прием, а когда гости разошлись, достал из сундука резиновую дубинку с надписью «Singapore», отлупил и изгнал из дома бабушку Марфу. Та исчезла и вернулась через три года. За это время она пешком ходила в Киев и в Иерусалим (к Гробу Господню) и вернулась с прощением.

За годы морской службы дед совсем отвык от сельской жизни и не вернулся к навыкам деревенского труда. Селяне подтрунивали — обидно и оскорбительно — над Георгиевским кавалером. Это болезненно задевало самолюбие деда Ивана, и только по большим праздникам, в полном мундире и при орденах, он мог заставить замолчать деревенских острословов.

Понимая близость смерти, Иван сам сочинил себе надгробие — кирпичное основание, большой крест из лиственницы (почему-то католический) и самолично отлитую им на Сусанском заводе чугунную доску с надписью «Иван Мокроносов — герой Порт-Артура».

В Гражданскую войну моя деревня раз пять переходила от одних завоевателей к другим, и каждые расправлялись со сторонниками своих врагов. Расстреливали на кладбище. Бедняг ставили около кирпичной кладки памятника деда Ивана, расстрелянные падали в ими же вырытые под крестом рвы. Помню, в детстве мы собирали гильзы всех систем и добывали смятые пули из выщерблен дедовского памятника.

13 ноября 1988 г.

Компас

Существует чарующая власть вещей, когда они прошли через жизнь и сердце. Над моим столом висит на шнурке старый артиллерийский компас. От долгого пользования обтерлись грани металла и черной пластмассы, стрелка размагнитилась и стала неторопливой в поисках норда. Потускнели шкалы, и шелушится никель на зеркале визиера.

В декабре 41-го на Волоколамском шоссе лежал убитый немецкий полковник. Откинутая заиндевевшая рука сжимала новенький компас. Азимут был поставлен на Москву. Советский майор взял компас и, оказавшись после ранения на Урале, подарил его мне на новый, 42-й год.

Сорок лет после этого черный компас надежно вел меня по дорогам скитаний. Годы лесной таксации в Висимской тайге. Экспедиции на Полярный Урал в конце 50-х. Арктические экспедиции 70-х. Пеший переход через остров Врангеля. Геологические экспедиции на Колыме в 60-е (картирование 1 : 200 000). Переходы в одиночку от Эвенска на Уйкане в 68 километров. Переход по Усурийской тайге от Тернея до Находки в 65 километров. Путешествия на Памир в 60—70-х. Поездки в Каракумы. Десятки тысяч верст маршрутов через пустыню Гоби в 80-х. И такие дорогие сердечной памяти воскресные поездки на Урале на Необитаемый остров, куда можно было идти только по надежному азимуту, на скалы Жертвенника, на шиханы милых зеленых гор Среднего Урала.

О компасе писал поэт В. Занадворов:

Был он спутником надежным
В северном краю.
Он по всем путям таежным
Юность вел мою.

Догадался бы кто-нибудь, когда подойду к последней черте, положить мой компас в мои холодные руки. Моя ладонь любила и грела его металл. Он платил мне верной дружбой. Нам и там надо быть вместе.

1988 г.

Древняя стихира

В деревне Войново Владимирской губернии раскулачивали крестьян. Несколько десятков справных трудовых семей высылали на Магнитку. Наступил день отъезда. Десятки подвод, груженных стариками, детьми, были готовы к дальней дороге. Бородастые старообрядцы навсегда покидали землю предков, дедовские избы, отчие поля. Тревожный знак беды опустился в Войново, как и в сотни тысяч других русских деревень.

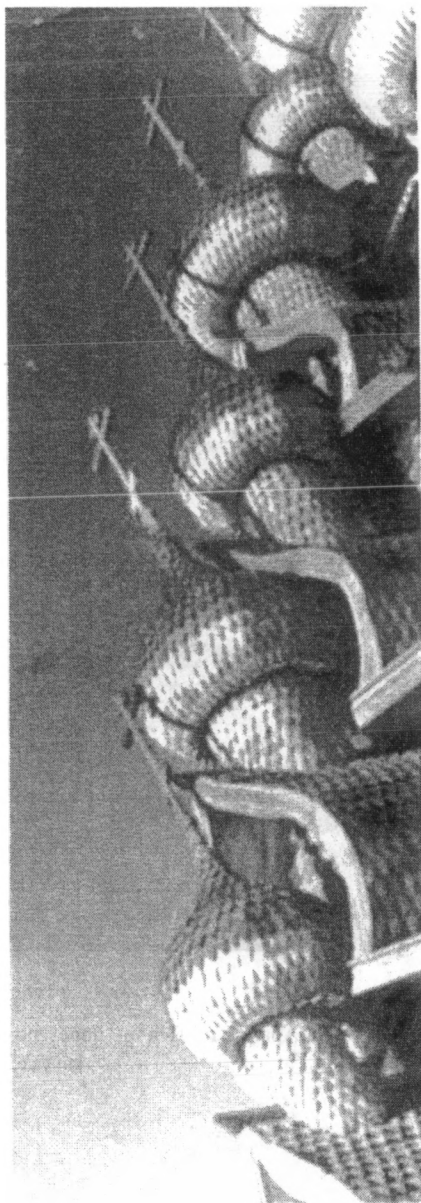
Верховой в шинели и в буденновке зычно крикнул: «Пора, мужики, в путь!» И наступила мертвая тишина. Когда обоз тронулся, вдруг чей-то мощный бас затянул древнюю раскольниковую стихирю и сотни голосов, мужских и женских, подхватили дониконианскую песнь, столетиями хранившуюся в таежных скитах, в памяти кержацких отшельников, в крюковой записи, тайных рукописях:

Волною морскою, сокрывшего древле гонителя, мучителя под землею
скрыша спасенных дети, но мя яко отроковица господи поем,
славяши его прославиша.

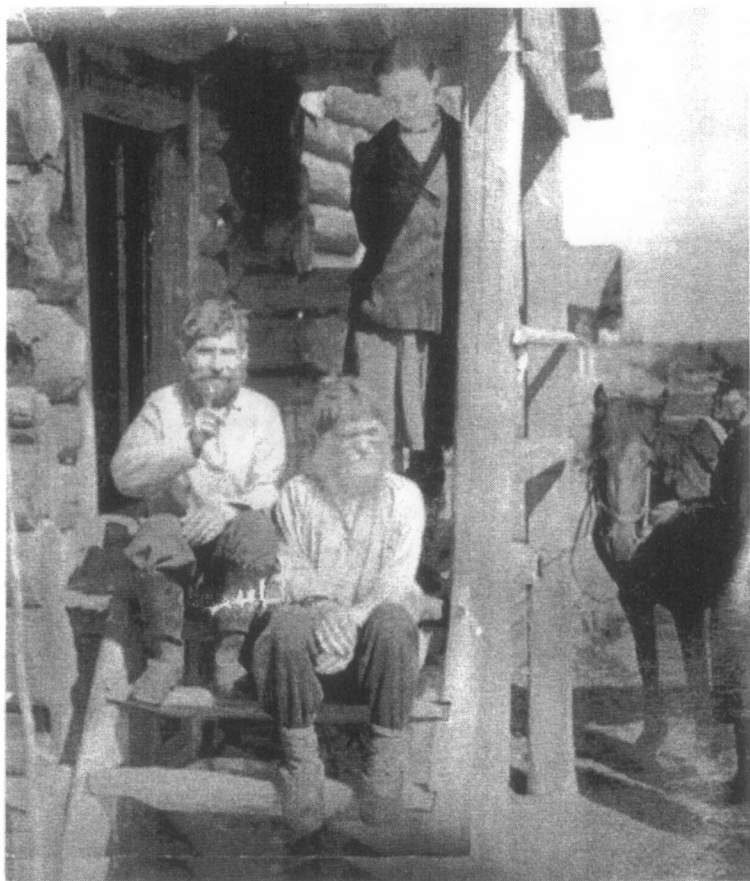
Сегодня надо услышать записи хора Юрлова, хоровые стихиры и распевы XV—XVI веков, чтобы понять, как начиналась дорога на Магнитку для войновских мужиков летом 1930 года.

23 апреля 1987 г.

Фотографии

Киж. Из серии «Русь древняя»

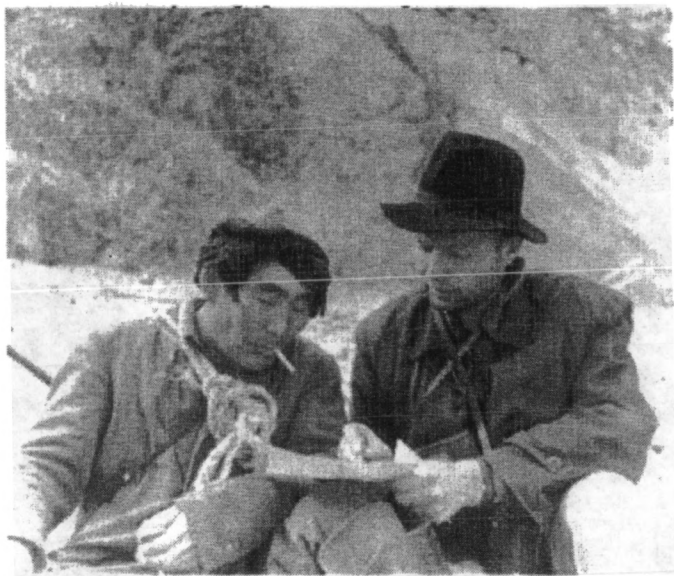
В Аранце на Печоре перед походом на Приполярный Урал.
Август 1956 г.

На реке Большая Сыня. Приполярный Урал.
Август 1956 г.

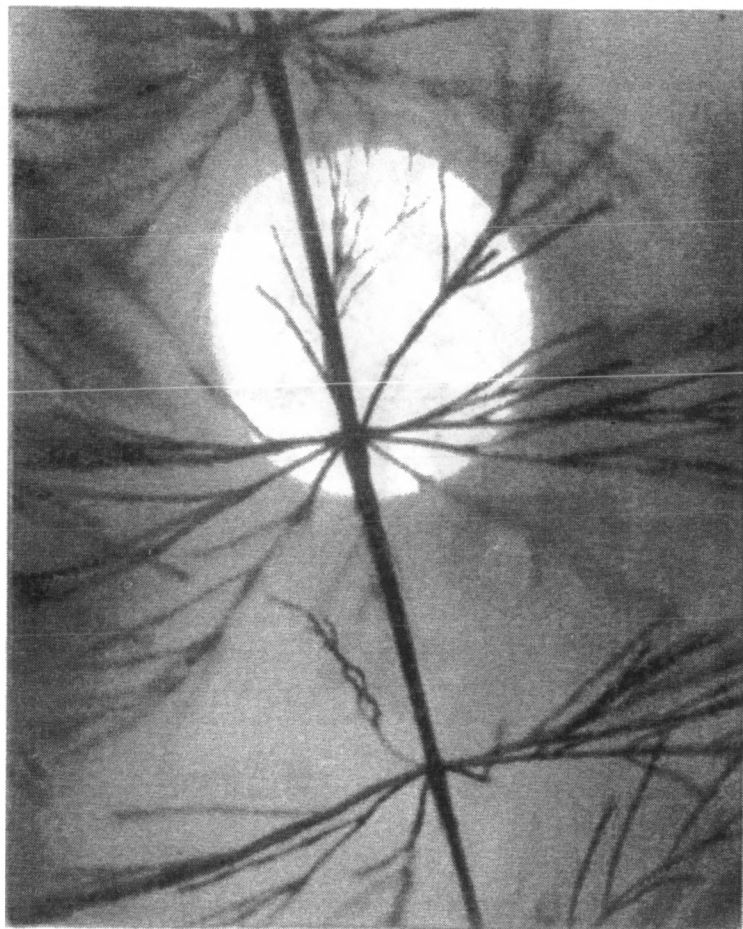
Ушедшие безымянными. У лагеря Рай-Из.
Полярный Урал. 18 августа 1958 г.

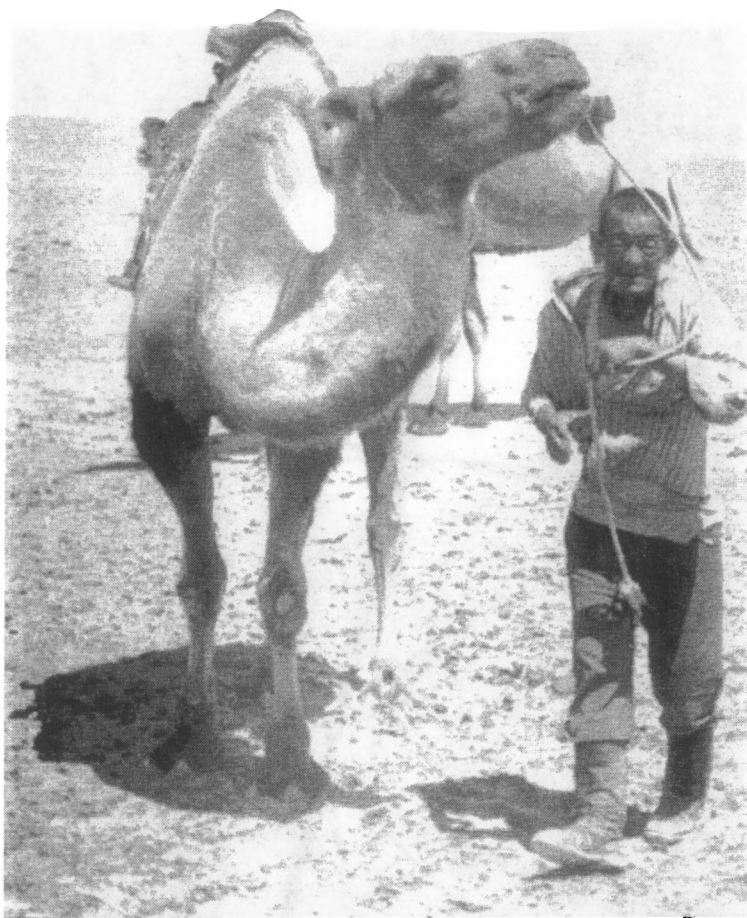
Встреча на охотском берегу. Колыма. 24 августа 1963 г.

Подснежник — теплый цветок сон-травы.
Расцвел в уральской тайге в час полета Юрия Гагарина. 12 апреля 1961 г.

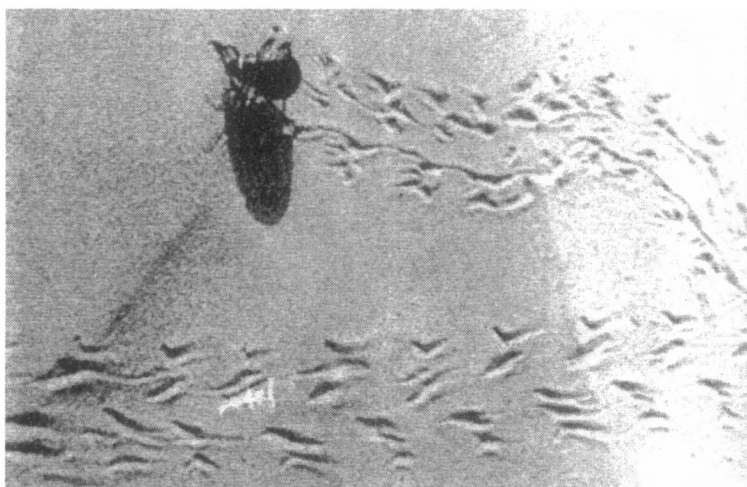
Хвощ и солнце. 1966 г.

В Алашаньской Гоби (после Севрея). 27 июля 1980 г.

Наш бой. Эйхин-Гол. 10 июля 1982 г.

Жук. Репетек. 1972 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
АВТОБИОГРАФИЯ	7
Истоки	9
Вешние воды	15
Лето	28
Москва. Листопад	50
Послесловие. Зима	58
«... ЧЕРЕЗ ЖИЗНЬ И СЕРДЦЕ». Из творческого наследия	61
Никола Зимний	63
Красный крестный	64
Дед Иван	65
Компас	67
Древняя стихира	68
Фотографии	69

Мокроносов Адольф Трофимович

«...ВСЕ, ЧТО БЫЛО ДОРОГО И СВЕТЛО»

Редактор и корректор	В. И. Первухина
Компьютерная верстка	Н. В. Комардина

Оригинал-макет подготовлен
в редакционно-издательском отделе УрГУ

Лицензия ИД № 05974 от 03.10.2001. Темплан 2003 г., поз. 6.
Подписано в печать 17.12.2003. Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Уч.-изд. л. 4,2. Усл. печ. л. 4,65. Тираж 300 экз. Заказ 406
Издательство Уральского университета. 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.
Отпечатано в ИПЦ «Издательство УрГУ». 620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.